

Willem Frederik
HERMANS

ВИЛЛЕМ
ФРЕДЕРИК

ХЕРМАНС

ВОСПОМИНАНИЯ

АНГЕЛА-
ХРАНИТЕЛЯ

ОБЛАКО НЕВЕДЕНИЯ

Виллем Фредерик Херманс

Воспоминания

ангела-хранителя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40500262

Воспоминания ангела-хранителя:

ISBN 978-5-00098-178-8

Аннотация

Действие романа классика нидерландской литературы В. Ф. Херманса (1921–1995) происходит в мае 1940 г., в первые дни после нападения гитлеровской Германии на Нидерланды. Главный герой – прокурор, его мать – знаменитая оперная певица, брат – художник. С нападением Германии их прежней богемной жизни приходит конец. На совести героя преступление: нечаянное убийство еврейской девочки, бежавшей из Германии и вынужденной скрываться. Благодаря детективной подоплеке книга отличается напряженностью действия, сочетающейся с философскими раздумьями автора.

Содержание

Виллем Фредерик Херманс (1921–1995)

5

Конец ознакомительного фрагмента.

130

Виллем Фредерик Херманс

Воспоминания

ангела-хранителя

© Willem Frederik Hermans, 2009. Originally published by De Bezige Bij, Amsterdam.

© Михайлова И., перевод, 2018

© «Геликон Плюс», макет, 2018

* * *

Виллем Фредерик Херманс (1921–1995)

В поисках выхода из хаоса

Появление Виллема Фредерика Херманса на литературном небосклоне Нидерландов существенно изменило ход литературной истории страны. Произведения Херманса (а за полвека творческой деятельности Херманс написал множество романов, рассказов и стихов, несколько пьес, десятки литературоведческих работ, а также философско-публицистических и исторических эссе) высоко ценились и подвергались серьезной критике, его романы, новеллы, публицистические, философские эссе становились поводом для ожесточенных споров в обществе и предметом судебных исков.

Виллем Фредерик Херманс родился 1 сентября 1921 года в Амстердаме, в семье учителей. Его детство и юность проходят в строгой умеренности и в постоянном страхе бедности, характерном для довоенных Нидерландов, когда вся Европа находилась в состоянии экономического кризиса. Удручающая атмосфера всеобщего обнищания в стране, чувство одиночества в семье, соперничество со старшей сестрой, а также многие другие факты биографии найдут отражение в творчестве писателя.

Окончив гимназию, в сентябре 1940 года Херманс посту-

пает в Амстердамский университет на факультет социологии. Выбор специальности был сделан под влиянием отца, сам же Херманс хотел изучать физическую географию, и уже через год он перешел на географический факультет. Закончить обучение Хермансу удалось лишь в 1950 году, а в 1955-м он защитил докторскую диссертацию, посвященную особенностям земной коры в Люксембурге.

Первыми литературными опытами В. Ф. Херманса были очерки, стихи и рассказы, публиковавшиеся в школьной газете. Настоящим же дебютом можно считать поэтический сборник 1944 года «Поцелуи сквозь паутину слов» (Kussen door een rag van woorden). Лирический герой этих стихов полностью погружен в меланхолическое настроение, безутешно страдая от несчастной любви и жестокости окружающего мира. Первым программным прозаическим произведением стал рассказ «Изобретатель, или И все же машина удалась...» (Uitvinder. En toch... was de machine goed), написанный в 1940 году. В этом рассказе уже прослеживается ряд существенных элементов так называемой «личной мифологии» Херманса: тема дуализма, противопоставления пассивности и смирения активному стремлению к недостижимым идеалам, которое неизбежно приводит к разочарованию.

Особенно ярко эта проблематика будет разработана в первом прозаическом сборнике Херманса «Злой умысел и непонимание» (Moedwil en misverstand, 1948), где писатель демонстрирует интерес к иррациональному, фантастическо-

му, сюрреалистическому, что было, несомненно, реакцией на безрадостную действительность оккупационных лет, на которые пришлась юность писателя. С другой стороны, интерес к иррациональному отражал авторское восприятие окружающего мира исключительно хаотичным и иррациональным.

Конец 1940-х годов знаменует собой начало наиболее активного периода в творчестве Херманса, который продолжится до конца 1950-х. В эти годы Херманс издается много и часто, под многочисленными псевдонимами, работает редактором в нескольких литературных журналах, в частности в журнале *Criterion* («Критерий»), где публикуются первые главы его романа «Слезы акаций» (*De tranen der acacia's*, 1949). В этом «одном из самых ярких романов в нидерландской литературе о Сопротивлении», Херманс впервые обращается к военной проблематике. По мнению Херманса, именно в обстановке войны характер человека проявляется в полной мере и открывается правда об окружающем мире. В этом романе В. Ф. Херманс развивает одну из центральных философских тем своего творчества – невозможность познать окружающий мир и человека. «Роман описывает кризис самоопределения молодого человека, взрослеющего во время Второй мировой войны: ни в одной из сфер окружающей действительности, будь то политика (Сопротивление и коллаборационизм) или семейные связи (отношения с родителями и сестрой), герой не может понять, где правда, а

где ложь», – отмечал нидерландский литературовед Ф. А. Янсен. Несмотря на то что критическая оценка автором деятельности движения Сопротивления шокировала большинство читателей, роман пользовался популярностью, а главный персонаж Артур Мутта стал олицетворением послевоенного чувства растерянности.

В 1950 году, а также с 1963-го по 1964 год В. Ф. Херманс возглавляет журнал *Podium*. В 1951 году на страницах этого журнала печатается роман «Я всегда прав» (*Ik heb altijd gelijk*), в котором писатель обращается к актуальным событиям того времени – потере Нидерландами своей колонии Индонезии. Политические события переплетаются с психологической проблемой самоопределения главного героя: ему приходится не только осознать всю ничтожность своей роли в историческом процессе, но и столкнуться с разочарованием в семейных отношениях – с родителями и сестрой. Герой романа Лодевейк Стегман оказывается в изоляции, одиночестве, лишенным последних иллюзий среди хаоса окружающего его мира. Лодевейк пересматривает свое отношение к родине и резко критикует католическую церковь. Вскоре после выхода романа Херманса вызывают в суд: в одном из монологов главного героя усматривают оскорбление религиозных чувств католиков. Однако писателю удается отстоять свою позицию, ссылаясь на то, что автор не обязательно разделяет точку зрения своих персонажей. Впрочем, роман «Я всегда прав» все же был внесен католическим цензурным ин-

ститутот Нидерландов в список книг, чтение которых запрещено в католических школах.

В 1951 году Херманс пишет свою знаменитую новеллу «Невредимый дом» (Het behouden huis), действие которой происходит в 1944 году. Главный герой, от лица которого ведется повествование, оказывается в партизанском отряде близ Восточного фронта, в оставленном немецкими войсками городе. Здесь герою, уставшему от хаоса войны и одиночества, удается укрыться в единственном не пострадавшем от боевых действий доме. В этой новелле звучат все важнейшие темы Херманса (непознаваемость реальности, непонимание между людьми, хрупкость цивилизации на фоне хаоса и др.), и писатель создает уникальное повествование, в котором реальность и мифический вымысел переплетены воедино.

Чувство хаоса, болезненного состояния мира В. Ф. Херманс описывает в новеллах своего самого известного прозаического сборника «Паранойя» (Paranoïa, 1953). Открывается сборник авторским предисловием – художественным манифестом писателя, требующего от любого литературного произведения строгой взаимосвязи тематики, поэтики и стилистических особенностей.

Герои новелл сборника «Паранойя» сталкиваются с той же, центральной для Херманса проблемой: невозможностью познать действительность. Каждый из них пытается убедить окружающих в верности своего собственного мироощуще-

ния и наталкивается на совершенно противоположную точку зрения, что приводит героев в тяжелейшее состояние духа, вплоть до сумасшествия. Как и сюрреалисты начала XX века, Херманс видел в сумасшествии бесконтрольное выражение подсознательного.

Внимание Херманса к сюрреализму в полной мере найдёт отражение в его романе «Бог Мыслим, Мыслим Бог» (*De God Denkbaar, Denkbaar de God*, 1956), который он сам будет считать вершиной своего прозаического творчества. В этом сюрреалистическом романе-гротеске главный герой, которого зовут Год Денкбаар (буквальный перевод «Бог Мыслим»), подобно героям рыцарских романов, ищет свой Грааль: в его случае – тайные документы, которые должны подтвердить его собственное существование. В поиске этих документов он, как и полагается в рыцарском романе, проходит через ряд испытаний, которые по воле автора XX века носят совершенно абсурдный характер. Сюжет выстраивается не столько на последовательном описании этих приключений, фантастический характер которых сближает героя Херманса с Мюнхгаузеном Распе, сколько на языковой игре, каламбурах, ребусах, загадках, в которых находят выражение философские размышления автора о соотношении языка и мысли, на самом ритме повествования.

Многие литературоведы сходятся во мнении, что роман «Бог Мыслим» является своего рода предвестником литературы постмодернизма. В романе писатель прибегает к мно-

гочисленным аллюзиям, приему «текст в тексте». Используя цитаты из Декарта, Витгенштейна, Ницше, автор выстраивает самостоятельный художественный текст. В романе «Бог Мыслим» сюрреалистическое видение мира В. Ф. Херманса достигает вершины, однако и в дальнейшем творчестве писатель неоднократно будет возвращаться к подобной стилистической и художественной форме, в частности в 1973 году выйдет продолжение этого романа – «Евангелие от О. Даппера Даппера» (Het evangelie van O. Dapper Dapper).

В 1958 году в свет выходит роман «Темная Дамоклова комната» (De donkere kamer van Damokles), который приносит Хермансу международную известность. С одной стороны, роман представляет собой описание событий, происходящих во время Второй мировой войны, в годы оккупации Нидерландов. Герой романа Генри Осевауд знакомится с нидерландским офицером и начинает выполнять его секретные задания, считая, что помогает этим движению Сопротивления. В ходе романа реальность существования офицера начинает вызывать сомнения, как и адекватность выполняемых Осеваудом заданий. Кто он: участник Сопротивления или предатель, герой, жертва или сумасшедший? Так, роман о войне одновременно представляет собой и образец психологической прозы, и тонкое философское повествование, в котором продолжается развитие центрального тезиса в мировоззрении Херманса о невозможности познания окружающего мира и человека.

С 1958-го по 1973 год В. Ф. Херманс преподает физическую географию в университете города Гронингена. В 1960 году он участвует в экспедиции по заполярным областям Швеции и Норвегии, после чего пишет роман «Никогда больше не спать» (*Nooit meer slapen*, 1966). В романе повествуется об экспедиции по северу Норвегии молодого ученого Алфреда Иссендорфа, для него самого безрезультатная, а для его спутника трагическая. Это произведение, впоследствии удостоенное одной из самых значимых национальных литературных премий, построено как роман воспитания – интеллектуального и духовного. Однако в фокусе повествования – не становление героя, не достижение им поставленных задач, не успешный процесс инициации с переходом на новый уровень, а разочарование, трагическая обреченность и регрессия.

На протяжении всей жизни Херманс занимался философией и историей философии, особенно его привлекала лингвистическая теория австрийского философа Людвиг Витгенштейна (1889–1951). В 1975 году Херманс перевел на нидерландский язык его «Логико-философский трактат» и написал о нем ряд статей.

С середины 1960-х В. Ф. Херманс много времени уделяет публицистике. Скандально-знаменитым стал сборник острополюемических статей «Мандарины в серной кислоте» (*Mandarijnen op zwavelzuur*, 1964). Под «мандаринами» имеются в виду чиновники в древнем Китае, от которых,

по мнению писателя, мало чем отличаются почитающие на лаврах представители послевоенной литературы Нидерландов. Эти «литературные мандарины» слепо обслуживают интересы публики, которая боится увидеть в литературе правду о себе и об окружающем мире. Несомненно, этот сборник способствовал подтверждению репутации Херманса как жесткого, категоричного критика: не зря у Херманса был ряд прозвищ, таких как «Вильгельм Грозный», «Харенское чудовище» (от городка Харен под Гронингеном, где жил писатель) и позднее, после его переезда во Францию, «Палач из Парижа». По мнению нидерландского литературоведа В. Смюлдерса, «Мандарины в серной кислоте» «могут вызывать или чувство восхищения абсолютной независимостью автора, или чувство отвращения из-за едкости и непримиримости полемического задора».

Обстановка после появления «Мандаринов», а также напряженные отношения в университетской среде привели к тому, что в 1973 году писатель оставляет работу в университете города Гронинген и переезжает в Париж, где полностью посвящает себя литературе.

Но незадолго до своего переезда Херманс публикует роман, который он сам охарактеризовал как один из своих лучших – «Воспоминания ангела – хранителя» (*Herinneringen van een engelbewaarder*, 1971). Роман относится к произведениям военной литературы, так как повествует о майских событиях 1940 года в Нидерландах: бомбардировке Роттерда-

ма и последовавшей за ней капитуляцией Нидерландов. Удивительным является выбор писателя вести повествование от лица ангела-хранителя, который приставлен к главному герою – прокурору Берту Альберехту. Ангел наблюдает за событиями, которые происходят в стране и в судьбе главного героя в течение семи дней, и оставляет своего рода мемуары, отражающие не столько историческую картину, сколько конфликт и сомнения в душе героя. Прибегая к использованному ранее приему – военные действия выступают как идеальный фон для выражения идей, – Херманс продолжает детально разрабатывать основные темы своего творчества: самоопределение героя в условиях военного времени, поиск истины, случайность, обреченность и бессмысленность этого поиска, невозможность понимания мира в силу хаоса, как заполняющего людей внутри, так и окружающего их во внешнем мире. Писатель вновь показывает, что человеческие поступки вопреки воле и желанию человека зачастую оказываются лишь цепью ошибок и недоразумений. Критики не были единодушны в оценке романа. Некоторые восхищались стилем повествования, называя его идеальным, а сам роман – существенным вкладом, обогатившим военную европейскую литературу. Другие же отмечали в сюжете фактические исторические несоответствия и спорили о незрелом характере главного героя. Однако очевиден глубокий философский подтекст произведения, попытка в очередной раз определить грань между добром и злом, подчеркнуть роль человека в

истории и в борьбе с неправдой и хаосом.

Появлением этого романа Херманс словно подводит итог серьезным философским поискам, нашедшим отражение на страницах его предыдущих произведений. Философская тематика отходит на второй план, центральное место занимает сатирическое изображение человека и его жизни. Таковы романы «Среди профессоров» (*Onder professoren*, 1975) и «Из бесчисленного множества миллионов» (*Uit talloos veel miljoenen*, 1981), в которых писатель изображает академическую среду Гронингенского университета, где он проработал несколько лет.

Уже находясь в Париже, Херманс много времени посвящает публицистике; он пишет статьи для крупнейших нидерландских газет *De telegraaf* и *Het parool*. Позднее эти статьи будут собраны в книги «Злые письма Бейкарта» (*Boze brieven van Bijkaart*, 1977), «Деревянные львы и львы из золота» (*Houten leeuwen en leeuwen van goud*, 1979), «Я не ношу шлема с перьями» (*Ik draag geen helm met vederbos*, 1979), «Клаас не пришел» (*Klaas kwam niet*, 1983), «Глупый Хюго. Предостережения и размышления» (*Malle Hugo. Vermaningen en beschouwingen*, 1994).

В 1980-х годах В. Ф. Херманс возвращается к своему излюбленному жанру – малой прозе, в свет выходят новеллы «Сонатина Филипа» (*Filip's sonatine*, 1989), «Кашель Хомме» (*Homme's hoest*, 1980), «Динамика Гейерстейна» (*Geyerstein's dynamiek*, 1982) и «Перстень с печатью» (*De*

zegelring, 1984). Уже хорошо знакомые читателям Херманса темы – искажение действительности в головах людей и бесплодные попытки найти истину, амбиции героев и их несостоятельность – находят отражение в новой, порой более реалистичной форме, более спокойной и меланхоличной.

Выход в 1989 году последнего законченного романа писателя – «По обмену» (Au pair) заставил критиков говорить о кардинальном изменении тематики и стиля писателя. Хотя Херманс остается верен идее непознаваемости хаотического мира, воплощение этой идеи становится менее прямолинейным. «По обмену» представляет собой вполне традиционный роман воспитания, в котором описывается процесс взросления героини, но он проходит мягче, чем в романе «Никогда больше не спать». Ее взросление и инициация уже не столь однозначно обречены на поражение. Умело вплетая в поэтическую канву текста аллюзии на древнегреческие мифы о богине Диане, об Орфее и Эвридике, на «Алису в стране чудес» Кэрролла и «Мадам Бовари» Флобера, писатель вкладывает в уста своих персонажей цитаты из Бодлера и Канта, заменяя свой привычный писательский сарказм и цинизм иронией и юмором.

В 1992 году Херманс переезжает из Парижа в Брюссель. Еще раньше, в 1977 году, он с благодарностью принял из рук короля Бельгии Бодуэна Премию нидерландской литературы, хотя другие присуждаемые ему премии, как правило, отвергал.

В 1995 году Херманс в последний раз приезжает на родину. В Утрехте он ложится в академическую больницу, где 27 апреля 1995 года умирает от рака легких.

Для многих современников Херманс остался в памяти мизантропом и циником, и его произведения, как художественные, так и публицистические, являются подтверждением скептического и категоричного характера писателя. Однако его искренний интерес к человеку, скептический гуманизм, основывающийся на романтическом рационализме с его стремлением разграничить правду и ложь, несомненно, позволяют причислить В. Ф. Херманса к классикам нидерландской и выдающимся писателям европейской литературы второй половины XX века.

Отрадно, что у российского читателя впервые появилась возможность познакомиться и оценить в полной мере стиль выдающегося нидерландского прозаика XX века в переводе одного из лучших романов Херманса на русский язык. Более тридцати лет назад русские читатели уже могли получить представление о загадочном нидерландском писателе в значительно более усеченном виде. В 1981 году издательством «Прогресс» (Москва) в сборнике «Современная нидерландская новелла» были опубликованы две повести В. Ф. Херманса. Публикуемый впервые на русском языке роман «Воспоминания ангела-хранителя» более показателен и уникален для Херманса во многих отношениях. В нем поднимается столь важная военная тематика, которая лучшим образом,

по мнению писателя, помогает раскрыть характер человека. Необычен и стиль повествования: читатель смотрит на мир глазами ангела-хранителя, и его словами характеризуются не только исторические события в Нидерландах, но внутренний конфликт и развитие человека, оказавшегося в хаосе современности. Теперь и российский читатель может погрузиться в философский мир В. Ф. Херманса и попытаться найти возможность выхода из этого хаоса, которая автором, хоть и в завуалированном виде, несомненно, предоставлена.

О. Б. Овечкина

к. ф. н., директор Голландского института в Санкт-Петербурге

Мы можем думать, что очень далеки от Бога из-за этого облака неведения между нами и Им, но вне сомнения было бы правильнее сказать, что мы намного дальше от Него, когда между нами и всем Творением нет облака забвения.

«Облако неведения», анонимный трактат, ок. 1370 г.¹

ОН призвал меня, сам того не зная, и я пришел – после стольких лет!

От горя кровь у него точно свернулась. Он попал в тяжелейшее положение, а я не мог ничего поделать, не мог ему

---

¹ *The Cloud of Unknowing* – религиозный трактат, написанный неизвестным мистиком в XIV в. В XX веке трактат привлек внимание таких мыслителей, как Эрих Фромм, Сьюзен Зонтаг и др.

помочь. Он уже давно перестал верить в Бога, да и про меня совсем забыл. Но я тем не менее не упускал его из виду все эти годы. Всю его жизнь. Я – его ангел-хранитель.

Я не отлучался от него на протяжении всего того дня.

Он сидел в машине один, как взрывчатка в гранате.

– В Бога душу мать, – пробормотал он.

Я опустил ему на плечо.

Он ехал по дороге, ведущей от побережья вглубь страны, и очень спешил, чтобы не опоздать на заседание суда.

Я был рядом с ним уже тогда, когда он провожал ее. Видал, как они вместе поднялись по трапу на корабль. У нее через руку висело пальто, он нес небольшой чемоданчик.

Вместе, он впереди, они окунулись в спертый воздух, заполняющий нутро больших кораблей. Он первый, она следом, шли они по узкому коридорчику с обшивкой из осклизлого крашеного железа, куда никогда не проникает солнечный луч, и в тусклом свете горевших вполсилы бронированных лампочек накаливания он высматривал номера кают, мимо которых проходил, пока наконец не сказал:

– Вот здесь.

– Спасибо, Schatz. ²

Полуоткрытую, удерживаемую крючком дверь он открывает полностью, входит и ставит чемодан в ногах одной из

---

² Schatz (нем.) – дорогой (досл. «сокровище»), ср. schat (нид.).

коек. В каюте две двухъярусные койки.

– Корабль без намека на комфорт, – говорит он, – даже не помогают отнести багаж.

– Это не страшно, главное, что нам без труда удалось достать место. Мне не нужен комфорт, мне нужна безопасность.

У нее был нежный тихий голос, и говорила она на таком исковерканном голландском, что его трудно было отличить от немецкого.

Поставив чемодан на пол, он машинально снял шляпу. Теперь таких шляп в Голландии почти не носят, это была настоящая борсалино с широкими мягкими полями, опущенными и спереди, и сзади, с очень широкой лентой вокруг тульи.³

Его плащ-дождевик шоколадного цвета выглядел замшевым, но даже не подходя вплотную можно было понять по запаху, что он резиновый.

Три койки из четырех были завалены сумками и одеждой. Она закинула свое пальто на верхнюю полку – единственную свободную, в той паре коек, которая находилась подальше от иллюминатора, следовательно, самую неудобную.

Это не укрылось от внимания Альберехта, но он ничего не сказал. Я читал его мысли и всё знал. Он подошел к неболь-

---

³ Шляпа борсалино – шляпа из мягкого фетра, обвитая лентой. Названа по имени фирмы, выпускавшей такие шляпы с XIX века.

шому, полностью зашитому красным деревом умывальнику с крошечной раковиной и повернул один из двух выдавших виды, некогда никелированных кранов, покрытых засохшей мыльной пеной. Такое впечатление, будто кран в оспинах, подумал он.

Из крана потекла слабенькая струйка воды. Мертвой, застоявшейся. И тотчас перестала течь, едва он отпустил кран, выключавшийся автоматически с помощью спрятанной в нем пружинки. Пусть эта вода и затхлая, но другой пригодной для питья на корабле нет, надо ее экономить.

Вслух:

– И здесь тебе предстоит провести две недели с тремя незнакомыми тетками...

Она кладет ладонь ему на плечо и касается губами его шеи: легкий-легкий поцелуй, точно с губ слетел выдох. Ответ на его слова, слова бессилия, по смыслу не имеющие ничего общего с тем, что он на самом деле думал, но чего не мог сказать и тем более не хотел сказать: тебе вообще не место на этом корабле. Не уезжай. Останься со мной... Не покидай меня.

Она была бежавшей из Германии еврейкой, с которой он прожил четыре месяца.

Прощание происходило 9 мая 1940 года, и корабль стоял в порту Хук-ван-Холланд в Нидерландах. Это был грузовой корабль с несколькими пассажирскими каютами, управляв-

шийся в ту же ночь в Америку.

– Если в корабль попадет торпеда, – сказал он, – и ты окажешься в холодной морской воде, о чем ты будешь думать?

– Я не буду думать. Я буду стараться изо всех сил оставаться на поверхности воды. Мне придут на помощь. До сих пор в моей жизни мне всегда кто-нибудь приходил на помощь, а после войны мы с тобой снова встретимся.

– Война будет продолжаться пять лет.

– Не надо так мрачно, Schatz. Ведь воевать уже почти перестали. По-моему, в Германии что-то назревает и Гитлера убьют еще до конца этого года.

– Правда?

– Не я одна так думаю. Французы и англичане тоже так думают. Иначе они бы уже разбомбили немецкие города и перешли Рейн.

– Ты сама не веришь в то, что говоришь. Если бы верила, осталась бы здесь.

– Что ты, Schatz, в такой маленькой стране?

– Ну и что, что маленькой? Это только лучше. Сколько раз я тебе объяснял. Мы не ссорились с Германией. Мы не будем участвовать в войне, точно так же, как в Первую мировую.

– Почему же тогда правительство отменило все увольнительные и отпуска для военных?

– Потому что мы сохраняем нейтралитет и должны показать миру, что намерены защищаться от любого агрессора. Любого, неважно, какого именно.

– Но у вас в стране тоже есть нацисты. Если эти нацисты попросят немцев прийти к ним на помощь, что тогда?

– Слишком поздно. Пять дней назад мы человек двадцать нацистов на всякий случай посадили в тюрьму. Все их шишки теперь за решеткой.

– Коммунистов вы тоже посадили.

– Наше правительство проявляет осмотрительность.

– Правительства Норвегии и Дании тоже проявляли осмотрительность. А что в результате? Германия их преспокойно захватила.

– Ты противоречишь сама себе. Сначала уверяешь, будто в Германии что-то назревает и жизнь Гитлера в опасности. А теперь говоришь о его успехах.

– Пойдем-ка на палубу. Здесь так душно.

Она вышла из каюты, он следом за ней. Сунул руку под расстегнутый плащ, вынул из кармана серебряную баночку и достал мятную пастилку.

Он мчался на полной скорости, но не все время держал руль обеими руками. То и дело ударял себя правой рукой по правому колену.

– В Бога душу мать, – бормотал он.

В Бога душу! От имени Господа Бога я и вслушивался в мысли моего подопечного.

Он жалел себя. «Мне теперь нечего будет предвкушать, не о ком заботиться. Разве это справедливо, когда тебя бросает

женщина, которую ты спас с таким риском для себя? Если бы не я, ее отправили бы обратно в Германию. Ведь наше правительство проявляет такую осмотрительность...»

– Но она-то это сделала не просто из осмотрительности, – шептал я ему, – бросить тебя для нее меньшее зло, чем бросить то правое дело, за которое она борется.

– Дурак, – сказал черт, – ты был для нее лишь счастливой случайностью, одной из многих, позволивших ей спастись от немцев.

– Не будь таким эгоистом, – продолжал я нашептывать моему подопечному, потому что возражать черту не имею права, ибо обязан вообще отрицать его существование.

Сидя съезжившись на вентиляционной трубе, я наблюдал за тем, как они снова появились наверху, уже без багажа, и стали прохаживаться по палубе.

– Если война и правда так быстро закончится, как ты говоришь, то прекрасно можно не плыть ни в какую Америку.

– Это я так думаю, что война скоро закончится, но точно не знаю. Мне нельзя забывать о моих родственниках и о товарищах по партии, с которыми в Германии так жестоко обращаются. Из Америки я смогу им помогать. А из такой маленькой страны, как Голландия, не получится.

Ее слова были правдой, но не совсем правдой, как и вообще все, что говорят люди. Это правда, что из Голландии она

не могла бы помочь ни родственникам, сидевшим в концлагерях, ни товарищам по партии, которые прятались по разным подпольным адресам, не имея правильных документов и денег. Это правда. Но не ради этой правды она уезжала от Альберхта.

Полный тридцативосьмилетний мужчина. По розовому, слишком тщательно выбритому лицу и по слишком аккуратной стрижке, но особенно по мутноватым глазам было видно, что он в недавнем прошлом весьма и весьма злоупотреблял спиртным.

Познакомившись с ней, бросил пить.

Он знал, что у него много недостатков. Наверное, слишком много, чтобы она связала с ним свою жизнь навсегда? Он сделал все возможное, чтобы исправиться. Все равно недостаточно? Неделю назад он еще и бросил курить.

Все то время, что он был знаком с этой женщиной, его мозг сверлила дьявольская мысль:

В ее положении она просто-напросто не могла не лечь в постель со своим спасителем, не сделать того, о чем он просил. «Даже если бы я был самым отвратительным чудовищем на белом свете (а разве это не так? Алкоголь сочится из моих пор. Я старая развалина по сравнению с ней, ведь ей самое большее двадцать пять лет)».

Двадцать пять лет. Такой возраст значился в ее фальши-

вом паспорте, и ему никогда не приходило в голову спросить у нее, правда ли ей столько. Он знал только ее фальшивые имя и фамилию, фальшивое место рождения и фальшивый возраст.

В паспорте, по которому она смогла купить билет в Америку благодаря совершенному Альберехтом подлогу в документах, тоже значились фальшивая фамилия (но другая), фальшивое место рождения и фальшивая дата рождения.

Альберехт был прокурором и потому имел связи.

Я видел, как они медленно идут мимо меня по ржавой палубе, покрытой лужами с тоскливыми радугами от пленочки отработанного машинного масла на поверхности. Я подслушивал их разговор, хотя ветер дул не в мою сторону.

Она достала из кармана пальто платок и повязала на голову. Ветер из свинцовых туч дул во всю силу, и левой рукой она придерживала узел платка у подбородка.

Он тоже крепко держал шляпу за поля. Так что они оба напряженно занимались одним и тем же – борьбой с ветром, но это общее дело их не связывало, а, наоборот, отвлекало внимание друг от друга и приковывало его к двум обыденным предметам, которые не были общими: к платку, к шляпе.

Рукав пальто на поднятой вверх руке соскользнул с запястья, украшенного множеством тонких серебряных брасле-

ТОВ.

В конце концов он схватил ее за это запястье и встал прямо перед ней. Широкие, как тогда было модно, штанины его брюк развевались на ветру. Он сказал:

– Все слухи о том, что Германия якобы собирается на нас напасть, были сегодня утром опровергнуты германским информационным агентством. Именно оттого, что Дания и Норвегия уже оккупированы, велика вероятность, что Голландию они оставят в покое. Этот Гитлер же не совсем сумасшедший. На Западе он получил все, что хотел. Данию и Норвегию занял. Англия теперь не может перерезать пути подвоза железной руды из Швеции. У него нет никаких причин нападать на Голландию.

– Буду рада за тебя, если это правда, Schatz. Ты же понимаешь, что я вернусь сразу, как только Германия лопнет. Ты же веришь, что я не шучу?

Его водянистые глаза смотрели на нее без иронии, но и без малейшего доверия. Он ответил:

– Я тебе верю.

Между тем ветер становится еще сильнее. Деревья не раскачиваются, но создается такое впечатление, что их кроны полностью перемешались. При каждом порыве ветра его небольшой автомобиль сносит с курса, так что ему то и дело приходится рывком выравнивать руль.

Эпизод расставанья не дает его мыслям покоя. В некоторые моменты ему кажется, что он переживает его снова и снова.

Сойдя в одиночестве на берег, он обернулся на нее еще два раза. Шляпу нельзя было отпустить ни на миг.

Она стояла у борта. Маленькая поднятая вверх рука махала ему на прощанье. Он видел, как браслеты скользят по ее запястью, и ему казалось, будто до него доносится их позвякивание. Но в действительности слышался только крик чаек и нудное жужжание электролебедки.

«Как бы мне хотелось взять и завалиться в какой-нибудь бар», – думал он.

Медленно пятясь, он махал ей шляпой.

Ее поднятая рука, запястье, вокруг которого серебрится облачко тонких браслетов, напоминающее круги на воде. Будто она уже тонет в пучине и последнее, что высовывается из волн, это ее рука. Прощай. На глаза набежали слезы. Боясь, что она это увидит, в то же время зная, что она ничего не может увидеть из-за большого расстояния между ним (у выхода с пристани) и ней (там, высоко на палубе корабля), он отвернулся и сказал себе: «Я никогда ее больше не увижу».

Проверив, хорошо ли держится на голове шляпа, он огля-

делся, соображая, как быстрее дойти до машины. На глаза попало небольшое фортификационное сооружение, перед которым сидели, прислонясь спиной к бетонной стене и вытянув ноги на каменной мостовой, двое солдат. Их каски лежали тут же рядом, на земле, и ветер развеивал им волосы. Один солдат держал между вытянутыми пальцами правой руки сложенную вдвое папиросную бумажку, внутри которой лежал табак. Левой рукой он протягивал помятую черно-синюю пачку, откуда только что взял щепотку, второму солдату, сидевшему рядом.

Укрепление было построено в виде домика размером с сарайчик для велосипедов, с покатой крышей.

От деревянной опалубки на бетоне отчетливо пропечатались текстура дерева и места стыков досок. Поверх них, ради маскировки, темной охрой и известкой нарисовали кирпичи и швы между ними. Но это еще не было вершиной художественных изысков строителей, на которые их подвигла военная хитрость. На стене изобразили окно. Квадратное окно с двумя раздвинутыми по сторонам и аккуратно подобранными занавесочками. Поверхность стены между ними была покрашена черным, чтобы это напоминало полумрак в комнате, которой не существовало, а на подоконнике, чуть-чуть не по центру, стояла красная герань в горшке. И горшок, и цветок объемом, равным слою краски.

Но нельзя сказать, что это окно было полной фальшивкой и вообще не соединяло внутреннее помещение с улицей, что,

собственно, должно делать любое окно. Приглядевшись хорошенько, можно было увидеть, что подоконник представлял собой длинную горизонтальную щель, через которую на серое море смотрело дуло.

Пушка, обращенная на запад, откуда противника ждать не приходилось. Назначение пушки – из-под нарисованной герани не подпускать захватчика, которому пришлось бы совершить огромный обходной маневр, чтобы не напасть с тыла.

Укрепление, преграждавшее путь воображаемому захватчику, пушка, поставленная лишь для того, чтобы опровергнуть аргумент единственного потенциального агрессора, что Голландия якобы не готова защищаться от *любого* врага.

Бетонная отливка с нарисованными поверх нее кирпичной кладкой и окном с подоконником и комнатным цветком, перед которой, развалиясь, сидели защитники и за которой стояла маленькая пушка, казалась ярчайшим воплощением трусливой лжи, когда-либо сооруженным на земной коре. Пушки, бетон и солдаты, размышлял Альберехт, все это может понадобиться у восточных рубежей, но никак не со стороны моря. То, чего не хватало на границе с Германией, находилось здесь, не принося никакой пользы, и мирно угрожало проплывающим кораблям. Но и в ином случае, если бы эта огневая точка была обращена в сторону Германии, все равно было бы мало проку. Верит ли хоть один человек на свете, что у Голландии есть мало-мальский шанс сохра-

нить независимость, если Германия и правда нападет?

«Для меня все это не имеет значения, – думал он, садясь в машину. – Из всех зол, которые мне могут быть уготованы, я выбрал бы смерть в ее объятиях. Но она недостаточно любит меня, чтобы со мной жить, не говоря уже о том, чтобы со мной умереть».

Он не пошел ни в какой бар. Пошел напрямик к своей машине и сразу сел в нее. Не мешкая ни минуты, поехал кратчайшим путем в свой окружной суд.

И все же в нем, чередуясь с непреодолимым желанием пренебречь обязанностями и остановиться у первого попавшегося заведения, где подают спиртное, то и дело шевелилась мысль взять и развернуться и поехать обратно в Хукван-Холланд, стащить ее с этого корабля, пусть даже силком, и сказать: «Никуда ты не поплывешь. Я получил сведения. Этой ночью немцы устроят торпедную атаку на твой корабль. Он перевозит стратегический груз. Мы перехватили тайное сообщение от немецкого шпиона. За кораблем следит подводная лодка. Ты останешься здесь».

То и другое чушь, разумеется. Нет у него никаких тайных сведений. И ни у какого бара он не остановится, и не будет он напиваться до смерти. Я ни разу в жизни не пренебрегал работой ради выпивки, этого не могут не признать даже самые заклятые враги. Выдумывать на ровном месте тайные сведе-

ния я тоже не стану. Но в данном случае лучше бы выдумал. Вместо этого перед расставанием он стоял и упрашивал ее:

– Ты просто-напросто искушаешь судьбу. Ищешь неприятностей. Иногда мне кажется, что евреи везде подвергаются преследованиям, потому что в глубине души считают, что этого заслужили. Документы у тебя были в порядке. Никто ничего не подозревал. Ты могла бы дожить в Голландии до конца войны без малейшего риска. Но не захотела.

– У меня есть обязательства.

– А по отношению ко мне их, что ли, нет?

– Уезжай скорее, а то опоздаешь на заседание.

Так он, притворяясь, будто не замечает, что это она навязывает ему свою волю, позволил прогнать себя с корабля, вниз по трапу. Все доводы, которые они друг другу приводили, были по сто раз проговорены раньше. Они вели этот диспут уже много недель, и получалось, что ему нечего возразить на ее аргументы. Все неопровержимые тезисы, гордо рождавшиеся у него в голове, теряли всякую убедительность, едва слетая с его губ. Когда же они наконец меняли тему разговора, у него всегда оставалось ощущение, что не она, а он терпит поражение, а также ощущение, что она это знает.

Он разговаривал с призраком, маячившим у лобового стекла, и не знал, что это я.

На дороге почти не было других машин. Мы догнали ро-

ту солдат-самокатчиков на велосипедах. Винтовки висели у них на спинах. Они ехали, петляя, нестройной толпой и то и дело выруливали на середину дороги, где легко могли попасть под машину. Я крепко держал правую ногу Альберхта, чтобы он не нажимал на газ. Он ехал по крайней левой полосе, но все равно не мог двигаться беспрепятственно. Солдаты смеялись, оборачивались на него, кричали что-то вслед, некоторые отдавали честь. Он смотрел только прямо перед собой.

– Никогда не догадаешься, что она в конце концов выдумала, – пробормотал он, хотя в машине не было никого, кроме нас с ним.

Смешное слово: «догадаешься». Что мне догадываться-то? Я ведь слышал все их разговоры, так как слышу все, что говорит он и что говорят ему, а также читаю все его мысли.

– Она сказала... она сказала... есть очень простой способ удержать меня в Голландии, милый мой Schatz. До отплытия еще четыре часа. У тебя более чем достаточно времени, чтобы донести на меня, чтобы арестовали и сняли с корабля. У меня ведь фальшивые документы...

Он умолк, и я не мог прочесть его мысли, как будто их у него в голове вообще больше не возникало.

Потом он сказал:

– Это она пошутила, но шутка казалась нехорошей. У меня возникло ощущение, будто в отношении нее я был него-

дьям-сутенером, будто шантажом заманил ее в постель.

А я-то читаю его мысли и понимаю, что сутенер – неподходящее слово для того, что он имеет в виду. Или подходящее? Конечно, нет. Хотя она находилась у него в квартире и днем и ночью, нельзя сказать, чтобы связь их была такой уж страстной – связь в том смысле, который нам, ангелам, чужд, но который людей почему-то заставляет то и дело судорожно восклицать: «О, мой ангел!»

– А я вообще такой.

– С каких пор?

– Никогда другим и не был. Как любовник совсем не пылок.

– Что ты, Schatz, не придумывай.

– Не придумывай? Ах, мой ангел, как ты можешь об этом судить?

– Я не святая.

– Для меня святая. Я любил бы тебя не меньше, если бы ты была святой и мы бы жили рядом друг с другом, храня целомудрие.

Молчание. Он чувствовал, что она не верит доводам, и ему потребовалось время, чтобы победить то бессилие, что вызвало ее неверие, и продолжить разговор.

– Я человек, который любит только душой. Мое тело не создано для любви. А душа создана, Сиси.

Она ничего не ответила. Только прижалась к нему своим

голым телом. Я отвернулся. Он все-таки полюбил ее, сам тому удивляясь, и телом тоже и стонал сдавленным голосом: «О, мой ангел!» Она улыбалась с таким выражением, точно думала: «Не ломай комедию».

Это было давно. Пуританский дух моего подопечного заключил, что она всего лишь расплатилась с ним своим телом, а он против такой оплаты не возражал. Что за выражение: расплатилась телом. Значит, все-таки сутенер. Сутенер. Его вокабулярий оставлял мне надежду, что он не навсегда утратил веру в высокое и прекрасное.

Отвратительное воспоминание о разговоре про его не очень-то сильное животное начало этим вопреки его желанию не закончилось, потому что теперь его память освежил еще и черт.

Любить только душой? Мужчины любят телом, и еще они любят свою власть, если им удастся привязать к себе другое существо.

«Власть, именно власть есть у сутенера, вовсе не любовь. Любовь – стремление потерять себя в другом, символизируемое отданными этому другому каплями спермы. А сутенер – это мужчина, который демонстрирует свою власть и в ответ получает страх. Я – сутенер. Так ведь? Но у меня оказалось недостаточно власти, чтобы привязать ее к себе. Разве? Я могу вернуть ее с помощью моих собственных полицей-

ских. Так ведь?»

– Да, но ты никогда не злоупотреблял своей властью, – шепнул я ему на ухо. – Не надо себя так ненавидеть. Ты не сделал ей ничего плохого. Ты спас ее бескорыстно. Ничего не прося взамен. Бог видит, что намерения твои были чисты.

– Вот по большому счету я ничего взамен и не получил, – отвечает он. – А в Бога я давно уже не верю.

Ах, как мне жаль, что он больше не ходит в церковь. Наверное, ему стало бы легче, если бы он исповедался!

В отчаянии Альберехт в стотысячный раз задал себе тот же вопрос, который мучил его уже четыре месяца. Он ее спас, в этом сомнений нет. Если бы не он, ее бы доставили до немецкой границы и выдали немцам и она, возможно, погибла бы в застенках гестапо. Может ли быть, что его поступок внушил ей любовь к нему? Или Альберехт – такое чудовище, что истина открылась только с ее отъездом: какое-то время она испытывала к нему благодарность, но никогда не любила?

Он снял руку с руля, сунул за пазуху и достал мятную пастилку.

Почему она вдруг стала звать его Беппо? Ему это не нравилось. Беппо – скорее кличка животного, чем человеческое имя. Но ей он так и не сказал, что терпеть не может имя, ко-

торое она ему дала.

Беппо. Слово (лишь секунду спустя до него дошло, что это, видимо, его новое имя) сорвалось с ее губ, когда она снова раскрыла глаза. Впервые она испытала блаженство благодаря мне, думал он. И что же, я теперь должен носить имя Беппо?

– Беппо?

– Теперь я буду тебя так звать.

– Почему?

Он никакими силами не мог вспомнить почему. Что она ответила тогда? Он мучительно рылся в памяти, но докопаться не смог. Навстречу попала новая рота солдат, и он снова снизил скорость до минимума, чтобы не совершить наезд.

Эти солдаты шагали в основном слева от проезжей части навстречу движению, как велит устав, чтобы видеть встречный транспорт, но недисциплинированная часть ребят не соблюдала предписания.

У большинства были расстегнуты высокие воротнички гимнастерок. У некоторых каски не прикрывали голову, а болтались на шее сзади. Может быть, их сдуло ветром, а солдаты так и оставили их висеть на подбородном ремешке. Простительно, если учесть, что это были, наверное, плохие каски, у которых внутри тулейка, плохо сидевшая на головах защитников отечества.

Альберехт думал: здесь она находилась в опасности, этого нельзя не признать. Кто решится утверждать обратное, увидев этих вояк, которые должны защищать страну от немцев? Но штука-то в том, что Гитлер оставит нас в покое. Для него было бы слишком невыгодно на нас нападать. Как же Сиси этого не понимает и так дико рвется в Америку!

Из-за беспорядочно идущих солдат он ехал теперь так медленно, что вообще мог отпустить руль. Правой рукой подтянул рукав на левой и посмотрел на часы. Увидел, что уже позднее, чем думал, – еще позднее, чем он думал. Без двадцати пяти четыре, а заседание начиналось в четыре ровно.

Он находился уже недалеко от того города, куда ехал, но если двигаться с такой скоростью, успеть невозможно.

Опоздать после приятного времяпрепровождения, после какого-нибудь праздника или, скажем, если проспал после пьянки, – это он считал простительным, по крайней мере, своим подчиненным он это иногда прощал.

Но опоздать после того, чего ты вовсе не хотел бы делать, казалось невыносимым.

– Бога в душу! – закричал он. – Ну почему ей так приспичило уехать?

При этих словах его нога нажала на газ сильнее, а рука потянулась к клаксону.

Необдуманные движения, вызываемые гневом! Серд-

цебиение от бессильной злости, которая может довести несчастного до еще большей беды. От расстройства я прикрыл лицо крыльями, ведь я был уже не в силах уберечь своего подопечного от последствий безрассудных поступков. А солдаты, вместо того чтобы освободить дорогу, наоборот, сгрудились поплотнее перед его машиной, которая, скрипя тормозами, резко остановилась. Один из младших офицеров прошел среди солдат к машине и стал у дверцы с той стороны, где за рулем сидел Альберехт, сгорбивший спину, словно хотел совершить тигриный прыжок через лобовое стекло.

Сержант принялся колотить в окошечко и наклонился, чтобы заглянуть внутрь.

Альберехт все еще не опускал стекло. Тигриный прыжок. Но куда? В толпу этих улюлюкающих солдат?

Сержант от нетерпения дернул дверцу с такой силой, что она отлетела назад и чуть не сорвалась с петель.

– Ваше водительское удостоверение, – сказал военный. – Вы что, не умеете себя вести?

Я положил свою холодную ладонь Альберехту на лоб, приподнял его голову и попытался успокоить. Он посмотрел сержанту прямо в лицо и сказал невозмутимо:

– Вы ошибаетесь. У вас нет полномочий на розыскную деятельность. Знаете ли вы, кто перед вами?

– Именно это я и хочу узнать.

– Я прокурор. По отношению ко мне вы не имеете права так себя вести.

– Ничего подобного, – сказал сержант, – я имею право задержать кого угодно, кто ведет себя подозрительно вблизи военных объектов или военнослужащих.

– Вам дан такой приказ?

– Да, такой приказ.

– Тогда, молодой человек, покажите мне этот приказ.

– Это вы немедленно предъявите ваше водительское удостоверение, а то мы сейчас кое-кого вытащим из машины и обыщем. Вы этого добиваетесь?

Должно быть, Альберехт почувствовал, что я приложил к его губам палец, и промолчал. Через несколько мгновений расстегнул плащ, достал из внутреннего кармана бумажник и показал права сержанту, который протянул за ними немыслимо грязную руку. Альберехт вложил права в эту руку, а также передал сержанту бумажник, откуда только что достал их. Там лежали другие документы, которые удостоверяли личность и полномочия советника юстиции Симона Кристиана Хендрика Урбана Берта Альберехта, в чем мог убедиться любой непосвященный.

Сержант принялся читать документы с большой серьезностью. Он изучал их не для того, чтобы как можно больше узнать о моем подопечном. Он уже давно понял, что Альберехт не блефует. Задержать прокурора якобы по подозрению в шпионаже, а на самом деле просто оттого, что захотелось над кем-нибудь поиздеваться! Даже солдаты, окружившие сержанта, перестали веселиться, когда поняли, что их

командир дал маху и вот-вот сам станет посмешищем. Во что это выльется? Их мимические мышцы уже приготовились к взрывам смеха по новому поводу.

Сержант продолжал серьезно читать, намереваясь как-нибудь схитрить, но ничего не мог придумать. Если бы я был ангелом-хранителем его, а не Альберехта, я бы нашептал ему мысль, которая бы не только помогла с честью выйти из положения, но и возвратила бы свободу Альберехту без дополнительных неприятностей. Но я не был его ангелом-хранителем, а его ангела поблизости не видел, или, может быть, у него вообще не было никакого хранителя.

– Придется все же составить рапорт, – сказал сержант.

Я обеими руками закрыл Альберехту лицо, так что у него потемнело в глазах, но он не сказал ни слова, пока сержант искал, как я понял, письменные принадлежности. Блокнота, по штату положенного полицейскому, у него, разумеется, не было. Поискав какое-то время, он извлек на свет Божий конверт с адресом, выведенным неуклюжим почерком его малограмотного отца, и на обратной стороне написал несколько слов.

Альберехт снова взглянул на часы. Еще семнадцать минут – и заседание начнется, а он хотел успеть вовремя во что бы то ни стало. Но я настолько перепутал его мысли, что он не мог достаточно отчетливо сформулировать ни одной из них и молчал.

В конце концов сержант вернул ему права и документы.

Альберехт высунул левую руку, чтобы закрыть дверцу. Но рука ничего не встречала, как он ее ни вытягивал. Я наблюдал за этой сценой с высоты нескольких метров над землей. Неслышно взмахивая крыльями, я парил в воздухе слева и сзади от его небольшого автомобиля.

Солдаты, обступившие его со всех сторон. Рука, бессильно шарящая в воздухе.

Слишком широко распахнутая дверца. Стародавние времена, когда дверцы крепились таким образом, что захлопывались против движения. Альберехт никак не мог дотянуться до дверцы.

Охваченный яростью и отчаянием, он завел мотор, дал газа. Мотор завыл, все выше и выше, машина рванула с места. Военные как бешеные бросились врассыпную. Я метнулся к нему, сел на плечо и прошептал: «Если ты не будешь осторожнее, то скоро встанешь на обочине с заглушим мотором».

Он резко затормозил. Открытая дверца, повинувшись силе инерции, сделала поворот в сто восемьдесят градусов и захлопнулась. Этот звук, похоже, освободил путь для новой, важной стадии в ходе его мыслей. Мне делалось все грустнее и грустнее, но он был глух к моему голосу. А голос черта нашептывал ему свое:

– Почему бы и нет? Если она практически готова к тому, что ты снимешь ее с корабля с помощью полиции... Если у нее осталось от тебя только то впечатление, что ты хочешь

удержать ее с помощью шантажа и насилия... Если у нее нет искренней потребности в твоей любви... Если она покидает тебя, всего лишь грустно улыбаясь...

– Может быть, это она держала себя в руках. Может быть, она сдерживала слезы, чтобы прощанье не было еще более мучительным. Послушай же!

Но дьявольская атмосфера внутри бешено мчащегося автомобиля отказывалась передавать звук моего голоса, и Альберхт не слушал.

Руки, только что судорожно сжимавшие руль, расслабились, правую руку он поднес ко рту. Прикусил большой палец, но не до крови, и стал размышлять, как именно это сделать. Телефонного звонка будет, наверное, достаточно. Что лучше – позвонить анонимно или действовать в силу служебного положения? На самом деле, возможно то и другое. Первое безопаснее, скомпрометирует его меньше. Зато на второе полиция наверняка отреагирует. Он может просто-напросто выдать ордер на то, чтобы срочно снять с корабля и задержать женщину по имени Ирене Муллер, у которой сильный немецкий акцент. Ничего трудного. Трудности начнутся потом. Она наверняка назовет его фамилию и не станет скрывать, что это он устроил ей паспорт и четыре месяца жил с ней. Она ведь очень умная, наверняка сможет указать свидетелей, которые всё подтвердят.

– Эта женщина чокнулась! – воскликнул он. – Как только ей пришло в голову, что я могу выдать ордер на задержание, в то время как я ее сообщник и помог ей скрываться? Какая чушь, нет слов.

Нет, он сам не будет выдавать ордер на ее арест. Об этом не может быть и речи. Значит, все-таки анонимная наводка. Он прикинул про себя, какой пост должен занимать полицейский, которого он сможет обрадовать такой наводкой. Кого-нибудь, кто легок на подъем и умеет быстро действовать. Так кто? Об этом подумаю позже. Лишь бы они ее успели схватить; эту последнюю мысль ему хотелось разработать в подробностях. Они поднимаются на корабль, просят ее предъявить документы. Этот паспорт фальшивый, говорит страж правопорядка, причем наобум. Потому что он ничего не понимает в паспортах, этот страж. Он в жизни не отличит фальшивого паспорта от настоящего. К тому же ее паспорт вообще-то вовсе не фальшивый. Он настоящий. Абсолютно настоящий. Бумага, водяные знаки, все печати и штампы. Единственное – к ней он попал незаконным образом. Станут ли они выяснять, как именно это произошло? Привлекут ли его на основании ее показаний? Что они сделают с ней? Ее посадят в лагерь Вестерборк, построенный специально для евреев, бежавших из Германии. Евреев, легально пересекших границу, но которым больше негде жить. А также для евреев, пойманных при тайном пересечении границы и по каким-либо причинам не отосланных сразу же на-

зад в Германию. Лагерь находится где-то в провинции Дренте, на неплодородной вересковой пустоши. Он никогда еще не задавался вопросом, как выглядит этот лагерь, знал о нем только по слухам. Наверное, там одни деревянные бараки, продуваемые насквозь. А едят из больших котелков. Стамппот. Приготовленный под присмотром раввина? Кто его знает. Что еще ему известно об этом лагере? Ничего. Но что ее туда отправят, сомнений нет. А потом? Потом она, естественно, назовет его имя. Это безобразие, что вы меня здесь держите! Немедленно позвоните советнику юстиции Альбрехту! Да, сегодня же. Вам не поздоровится, если вы не позвоните ему немедленно! ⁴

Так все и будет, во всяком случае, он исходил из того, что так все и будет. Он, разумеется, мог бы добиться ее освобождения сразу же, но благоразумнее поступить по-другому. Без излишней спешки. Когда ему позвонит лагерное начальство, сообщить им, что он перезвонит. Позвать ее к телефону.

– Тебя сняли с корабля? Какой ужас. Ах, радость моя, я бы так хотел быть рядом с тобой. Но плетью обуха не перешибешь. Я посмотрю, чем тебе можно помочь. И тогда позвоню.

Несколько дней спустя. Сказать, что в два счета дело об ее освобождения решено быть не может. Возникли сложности.

---

⁴ Стамппот – традиционное национальное блюдо нидерландской кухни. В русском языке иногда встречается название «лейденская смесь». Основной состав этого блюда – картофельное пюре, смешанное с другими овощами или фруктами.

Я делаю, что могу. Не падай духом, милая!

Еще несколько дней спустя – сумеет ли он так долго терпеть? Но так надо, так надо! – еще несколько дней спустя он возьмет выходной и поедет в Дренте, в Вестерборк. Погода в этот день будет отличная. Вересковая пустошь весной. Он примется ее утешать прямо у нее в бараке. Ах! С каждым часом, проведенным в Вестерборке, ее любовь к нему росла и росла. Кажется, он где-то слышал или читал, что хищников, которых дрессируют для выступления в цирке, на несколько дней запирают в клетке без еды. Сначала никакой еды – а потом будут есть у дрессировщика с рук.

Анонимная наводка. Он нередко использовал в обвинительной речи сведения, поступившие в полицию из анонимных источников. Но как поступает полиция, получив анонимную наводку, он на самом деле никогда не интересовался.

Если им звонит какой-то неизвестный, располагают ли они средствами выяснить личность звонящего? Могут ли они быстро выяснить, с какого номера сделан звонок? Быть может, когда бы и откуда бы человек ни звонил в полицию или в прокуратуру, его номер регистрируется автоматически? А если ты звонишь из телефона-автомата, то вдруг из участка немедленно отправляют к соответствующей будке машину с оперативниками, чтобы выяснить, кто ты такой, прежде чем ты успеешь положить трубку и уйти?

Чушь. Все это чушь. Так будет, наверное, году этак в двухтысячном.

Совсем другое: риск, что трубку снимет полицейский, который его, Альберехта, случайно знает. И узнает по голосу. Такое вполне может быть. Но ведь Альберехт потом сможет сказать, что это звонил вовсе не он?

– Разумеется, ты просто-напросто будешь это отрицать, – сказал черт.

– Но все равно пойдут разговоры, – предупредил я, – и привкус-то останется...

Анонимный звонок, сделанный голосом, подозрительно похожим на голос прокурора... Звонит сообщить, что немецкую еврейку, которая четыре месяца прожила в доме у прокурора, надо срочно снять с корабля, вот-вот отправляющегося в Америку.

Вероятность, что его голос узнают, мала. Не преувеличивай. Минимальная вероятность, вот и все. Он позвонит в полицейский участок в Хук-ван-Холланд. Там его голоса никто не знает. Ну а дальше – что будет, когда он по телефону скажет: на этом корабле находится женщина с фальшивым паспортом, которая хочет попасть в Америку.

Что они ответят? Разумеется, спросят его фамилию. (Вас это не касается). Спросят, откуда ему это известно. (Много будете знать, скоро состаритесь). Но вполне вероятно, что они тогда скажут: «Что же, если вы больше ничего не желаете рассказывать, то мы ничего не можем сделать. У нас слиш-

ком много работы, чтобы беспокоить всех, о ком нам звонят. А то нам вообще будет не добраться до кровати. Вы скорее всего ошибаетесь, и с этой женщиной все в порядке, а если она хочет попасть в Америку, то какое нам до этого дело? Тем самым мы от нее по крайней мере избавимся. Она не будет больше нелегально проживать в Голландии, а ведь это для нас главное».

Значит, чтобы заставить их действовать, придется сообщить подробности. И что тогда: если он примется рассказывать, что эта женщина – еврейка из Германии и коммунистка, этот коп небось скажет: коммунистка? Я бы тоже стал коммунистом, если бы меня за это не выгнали с работы. Еврейка? Может, у вас вообще нет сердца? Неужели вы не знаете, как с ними обращаются в Германии?

Если Альберехт не назовет себя, к нему отнесутся без должного уважения, если это будет анонимный звонок, его воспримут как любой анонимный звонок. Или надо случайно попасть на дежурного, который втайне состоит в НСБ, или настроен прогермански, или ненавидит евреев, или все это вместе взятое.⁵

«А пошли они все к Богу в рай! Неужели я должен использовать таких подонков, чтобы получить ее обратно! Неужели я должен зависеть от этого сброда, чтобы воспользоваться последним шансом на счастье! Чем я прогневил небеса?»

---

⁵ НСБ – Национал-социалистическое движение. Так называлась нацистская партия в Нидерландах, существовавшая с 1931-го по 1945 г.

– Ничем ты небеса не прогневил, – сказал я. – Это черт их норовит прогневить, черт, нашептывающий тебе подобные мысли. А ты нет.

Но мои слова ему в одно ухо влетели, в другое вылетели.

Чтобы выгадать время, он свернул на пустынную боковую дорогу, срезавшую большую петлю, которую здесь делало шоссе, так что по ней можно было доехать до места назначения быстрее.

Въезд на дорогу с этой стороны был запрещен. Об этом сообщал знак: красный железный круг с нарисованным посередине белым горизонтальным кирпичом. Знак крепился к стойке у начала дороги и не укрылся от внимания Альберехта. Но он не придал ему значения. А черт закрыл ему уши, так что он не слышал моих увещаний.

Дорога была очень извилистая и узкая: не зря здесь допускалось только одностороннее движение. Покрытие было чуть выше посередине и ниже по краям, между неровными кирпичами, из которого оно состояло, росли мох и трава. На каждом повороте машину так заносило, что скрипели шины, но Альберехт мчался во весь опор по этой дороге, окаймленной с обеих сторон высокими кустами, полностью закрывавшими обзор. Вдали виднелась фабричная труба, из которой ветер вытягивал горизонтальную ленту черной ваты. Потом кусты справа от дороги кончились и показалось пастбище, огороженное забором из столбов с колючей проволокой. По

траве не бродило никакого скота, паслась только одна старая лошадь. Ее копыта были скрыты похожей на гамаша серой шерстью внизу ног, она непрерывно щипала траву и вообще не отрывала голову от земли. Я подумал, что старое животное стоит в такой позе не только оттого, что ни на минуту не прекращает есть, но и оттого, что голова, отяжелевшая от старости, благодаря этому хоть немного опирается на землю.

Между тем в мыслях Альберехта произошел важный поворот. Казалось, будто нарушение, которое он совершал, съехав на запрещенную дорогу, снизило его восприимчивость к нашептываемому чертом искушению предать Сиси и добиться того, чтобы ее сняли с корабля. Теперь он решил, что он недостаточный подлец, чтобы это сделать, и недостаточный лицемер, чтобы потом освободить ее из Вестерборка. Он не сможет позвонить ни под своим собственным именем, ни анонимно. Не сможет воспользоваться антисемитизмом полицейских чинов, да и вообще ничьим. Не сможет предъявлять обвинение по делу, соучастником которого себя чувствовал. Не сможет, даже если ему удастся полностью остаться за кулисами.

«Я не умею извлекать ни малейшей личной выгоды из моей должности, – размышлял он, снова прислушиваясь к черту. – Я могу подтолкнуть судей к тому, чтобы они засадили за решетку не сделавших лично мне ничего плохого попрошаек ради защиты общества от них, но для себя не могу ничего. Даже если стою на краю гибели. Даже если вот-вот сойду с

ума от горя».

Его глаза наполнились слезами. Горе его было безмерно, но это было горе порядочного человека. Пусть он и лишился веры в Бога, я испытывал удовлетворение от того, что сумел наставить его на путь истинный, хотя дорога, по которой он ехал сейчас, оставляла желать лучшего. И я простил ему его маленькое прегрешенье – то, что он двигался по дороге против движения: малое зло, которое заняло место намного большего зла.

Пастбище справа от дороги, где паслась лошадь, было пусто и голо вплоть до ряда деревьев на горизонте. Еще там стояла ветряная мельница, лопасти которой не крутились. Я не мог понять, почему мельник не использует благоприятную для него погоду: ветер такой сильный, а мельница неподвижна... Зачем тогда Господь вообще поднимает ветер, глупый ты человек?

Да и корабли теперь не используют силу ветра. Потому-то люди стали такими неблагодарными безбожниками: пропускают мимо вечные благодеяния Всевышнего и упрямо кочегарят свои паровые машины и дизельные моторы, которые загаживают небесную твердь сажей и вонюю.

И только мы, ангелы, еще летаем на крыльях ветра.

Так размышлял я, сидя на заднем сиденье в машине Альберхта. Признаюсь, что мои мысли отвлеклись от подопеч-

ного и в большей мере обратились к страданиям человечества в целом, нежели к терзаниям этого конкретного человека. Возможно, по этой самой причине именно сейчас и произошел ужаснейший несчастный случай.

Спереди о машину что-то так сильно стукнулось, что она изменила направление движения. Я почувствовал резкий толчок и увидел, как закачался горизонт. Потом задняя часть машины приподнялась и с грохотом снова встала на колеса. Машина, виляя, въехала в кусты и там остановилась. Motor заглох, стало ужасно тихо. Через лобовое стекло была видна только зелень веток и листьев, прижавшихся к стеклу. Я взлетел и присел на крышу автомобиля; я увидел, что на дороге за машиной что-то лежит, и со смесью грусти и радости заметил, как из этого чего-то вылетела золотая птичка. Маленькая золотая птичка, не больше ласточки. Солнечный свет у нее на перышках блеснул на миг всеми цветами радуги, а потом птичка взмыла вертикально ввысь, тоже со скоростью ласточки, так быстро трепеща крылышками, что их уже было не различить. Казалось, это маленькое солнышко из прозрачного золота пробилось сквозь небесный купол, проделав в толще облаков круглое отверстие, и через это отверстие на меня, точно порыв ветра, снизошла восхитительная музыка. Затем облака сомкнулись, и взор мой остановился на Альберехте, открывшем правую дверцу и высунувшем наружу ногу. Вскоре я увидел его стоящим у правой дверцы, потому что через левую он выйти из машины не смог, его

плащ шоколадного цвета был распахнут, но шляпа по-прежнему держалась на голове.

– Что теперь делать? – спросил я.

Он стоял, немного расставив ноги, но все равно пошатывался, потому что кровь отлила от головы.

– Нет. Нет, – бормотал он, – проклятье, нет.

А потом, с открытым ртом, направился к ребенку, которого задавил.

Поблизости не было ни души. На дороге из кирпичей, между которыми росли трава и мох, ничто не двигалось. Даже лошадь на лугу стояла как вкопанная. Только листья кустов и деревьев шелестели при порывах ветра. Из заметно приближившейся фабричной трубы все еще тянулась лента копоти, причем дым этот стал намного чернее, чем несколько минут назад.

– Ни один человек, – шепнул черт, – не видел, что произошло.

Некоторые мертвые лежат в такой позе, в какой могли бы лежать и живые, но здесь было не так. Девочка лежала ничком, одна рука целиком под телом, живой человек никогда так руку не положит, со спины казалось, будто у нее с той стороны вообще нет руки. Другая рука лежала вытянутая прямо у головы, пальцы все еще держали письмо, которое девочка явно куда-то несла.

Альберехт наклонился и чуть потянул ее за плечо, чтобы заглянуть в лицо.

Изо рта капала кровь. Когда Альберехт приподнял тело, голова безвольно свесилась вбок.

Словно боясь причинить девочке боль, он не стал поднимать тело выше, а низко-низко наклонился, чтобы получше ее рассмотреть. Он простоял несколько мгновений, положив левую руку себе на согнутое колено, а правой держа девочку за плечо, и тихий стон слетел с его губ. У девочки были гладкие черные стриженные волосы, слегка прикрывавшие уши, и открытый лоб, а надо лбом розовый бант, выглядевший так, словно он увял одновременно с ее жизнью. Она умерла так быстро, что в раскрытых глазах не читалось боли. Но рот ее тоже был раскрыт, и окровавленные губы наводили на мысль о мягком клювике выпавшего из гнезда и раздавленного птенчика.

Альберехт осторожно опустил ее на землю и выпрямился. Он стоял, расставив ноги, и смотрел прямо перед собой; казалось, он вот-вот рассыплется, точно колосс из глины. Но потом повернул голову и осмотрелся. Затем снова наклонился, взял письмо из руки девочки и сунул в боковой карман плаща.

Нигде не было видно ни единого человека. Нигде не было ни указания, ни намек на то, что кто-то мог за ним наблюдать из потайного укрытия.

Он поднял девочку двумя руками; чтобы не испачкаться в

капающей крови, он держал ее за одежду на спине, так переносят щенков за шкуру. Он дошел до обочины дороги позади машины и зашвырнул трупик в кусты. Листва покорно раздвинулась, хоть и с сильным шумом, и снова полностью сомкнулась, когда тельце упало вниз.

Альберехт опять огляделся, и его шляпу, как ни странно крепко державшуюся на голове, пока он подбирал девочку, снесло ветром. Он издал громкий крик, словно хотел позвать шляпу обратно, и побежал за ней следом. Мной овладело сострадание, я поймал шляпу и надел ее на один из столбиков, на которых была натянута колючая проволока, ограждавшая пастбище, где паслась лошадь.

Так Альберехт легко смог вернуть себе шляпу и со шляпой в руке, не надевая ее, прошел обратно к машине. Он проехал несколько метров задним ходом, чтобы высвободиться из кустов, и тогда увидел позади машины боковую дорожку среди кустов, которая вела к небольшой вилле. С этой-то дорожки наверняка и выбежала девочка. В этом-то домике она наверняка и жила. Предположим, что кто-нибудь в этом домике смотрел ей вслед, пока она бежала по дорожке на кирпичную дорогу. Этот кто-то мог увидеть, что с ней случилось, а также что он сделал. Слышны ли какие-нибудь крики?

Нет, никто не кричит.

Пока он ехал дальше, я держал руль своими руками. Это

я управлял педалью газа и снизил скорость, когда безлюдная дорога из кирпича снова вывела его на шоссе.

Рядом с перекрестком на бетонном столбе висел чугунный почтовый ящик, покрашенный в красный цвет.

За три минуты до начала заседания я припарковал его машину перед зданием суда. Альберехт вышел. Шляпу забыл на сиденье. Хотел запереть дверцу, но руки так дрожали, что ему стоило большого труда вставить ключ в дверцу. Он увидел шляпу на правом переднем сиденье, открыл дверцу и все-таки взял шляпу. Надел на голову. Зачем? Почему бы и нет? В шляпе? Без шляпы?

При входе в здание суда он снова снял шляпу. Держа ее в руке, поднялся по ступеням и вошел в вестибюль, где стояла мраморная, в человеческий рост, госпожа Юстиция с завязанными глазами. Он побежал по коридору, вошел в свою комнатку, скинул плащ, надел мантию. Обвинительная речь, которую ему предстояло произнести, лежала в ящике письменного стола.

– СЛОВО предоставляется господину прокурору!

Альберехт, отодвинув стул, встал с бумагами в руке и принялся читать. Глаза были так низко опущены, что казалось, будто он спит. Он читал не фразы, а отдельные слова, не связанные друг с другом по смыслу. Казалось, что он просто перечисляет слова, написанные на листе бумаги, либо эти сло-

ва через глаза попадают ему на язык по какому-то прямому каналу, минуя мозг. Потому что я изо всех сил старался заглушить мысли, которые он изложил, составляя эту обвинительную речь. Потому что он не мог пренебрегать моими предостережениями.

Голос его едва слышался на фоне шума ливня, весь день собиравшегося в небе и теперь наконец обрушившегося на землю.

Я присел в зале, чтобы не мешать ему исполнять служебные обязанности. Я видел, как он стоит с бумагами в руке. И знал, что те тридцать человек, которые его слушали, не понимают, что он там говорит. Но они старательно строчили в своих блокнотах, это были журналисты.

Подозреваемый тоже был журналист.

– Ваша честь, жить в такой свободной и демократической стране, как наша, – это большая привилегия. Не меньшая привилегия – работать в этой стране журналистом, в стране, где есть свобода печати. Где свобода мысли, свобода духа уже много веков почитаются ценнейшим достоянием, завоеванным предками, не пожалевшими для этого сил и крови, и бережно хранимым потомками как драгоценность, унаследованная от прошлого.

Он не отличал, где голос ангела-хранителя, а где его собственные мысли. Написанное на бумаге уже перестало быть изложением его мыслей, так что в речи не слышалось ни малейшего вдохновения. Он не мог заставить замолчать мой

голос, да я и сам не мог замолчать, потому что у ангела мысли – это всегда речи, а речи – это мысли.

– Именно поэтому, ваша честь, мы обязаны обходиться чрезвычайно бережно с этим достоянием, за которое заплачена столь высокая цена, и не имеем права защищать его любой ценой. Именно оттого, что нам присуща бескрайняя свобода мысли, мы сами должны решать, в какой мере мы имеем право эту мысль высказывать. Нельзя не приветствовать принятое несколько лет назад решение наших законодателей о том, что устное или письменное оскорбление глав дружественных государств не может не быть наказуемым.

Именно потому, что свобода – наше высшее достояние, мы не можем пользоваться ею безгранично. Нельзя допустить, чтобы из-за необдуманных высказываний некоторых шелкоперов наше отечество обрело международную репутацию страны, в которой главе дружественного государства не обеспечивается защита от оскорбления личности в той же мере, в какой на нее может рассчитывать обыкновенный гражданин.

К политике, проводимой Адольфом Гитлером в Германии, можно относиться по-разному. Однако считаю своим долгом подчеркнуть, что не мы, а только сами немцы имеют право решать, кто и как управляет их страной. К тому же следует принимать во внимание, что у Нидерландов с Германией есть общая граница, что Нидерланды – страна маленькая, а Германия – большая, что в мире бушует раз-

рушительная война, что нашей стране до поры до времени удавалось стоять в стороне от военных событий. Задаваясь вопросом, что может сотворить маленькое перышко маленького газетчика в маленькой нейтральной стране, обращенное против предполагаемой несправедливости в могущественном соседнем государстве, мы приходим к заключению, что подозреваемый пренебрег щепетильностью, украшающей истинного гражданина, доверив бумаге инкриминируемую ему статью о главе немецкого государства.

Я сидел напротив большого портрета королевы Вильгельмины, висевшего за спиной у председателя суда, между двух окон. Ветер дул как раз с этой стороны, так что струи дождя стекали по стеклам, сливаясь в сплошной поток. Казалось, будто не прокурор, а сами небеса предупреждают нашу страну о страшной угрозе. Будто этот дождь предрекает поток слез, которые будут пролиты, если Нидерланды окажутся вовлечены в отвратительную войну.

Председатель суда Ван ден Аккер сидел, демонстративно откинувшись на спинку кресла. Казалось, он хотел сказать, что имеет полное право подремать, пока от него не требуется говорить. Зачем ему слушать? Он прекрасно знал закон о защите чести и достоинства главы дружественного государства, о котором вещал Альберехт. Он тоже прекрасно знал, что Голландия маленькая, а Германия большая. И тоже считал, что если Германии захочется напасть на Голландию, то

она будет искать повод. А таким поводом может послужить безнаказанное оскорбление главы Германского государства, наивно думал он. Поэтому он воображал, что окажет услугу своему отечеству, если не оставит оскорбление Гитлера неотмщенным. Он воображал, что все немцы так же наивны, как он, и что они скажут Гитлеру: на эту страну нам нападать нельзя! Голландцы пресекают малейшую попытку вас оскорбить. Однако что это Альберехт так завелся о том, что творится в Германии!

– Уважаемый председатель суда! Весь мир, как и мы, не могли не заметить, что германская пресса и сама не скупится на выражения, ополчаясь на людей или группы людей, нежелательных для режима, указывая на их действительные или мнимые изъяны, подрывая их репутацию, обличая самым непристойным образом их существующие и несуществующие преступные свойства. Высмеивая их внешность. Приписывая им в самых оскорбительных выражениях всевозможные свойства низшей расы. Называя их...

– Минуточку, господин прокурор, – сказал председатель суда, – мы здесь не для того, чтобы обсуждать политическое своеобразие наших соседей.

Тут же вскочил с места адвокат:

– Уважаемый председатель суда! Но ведь именно это политическое своеобразие и спровоцировало моего клиента на вменяемые ему в вину высказывания!

– Ваш клиент, насколько я знаю, писал не о политическом

своеобразии жителей Германии, а о темном происхождении германского рейхсканцлера.

– Но, господин председатель! – воскликнул адвокат, – ведь Гитлер – это и есть Германия! Он олицетворяет Германию.

– Тогда выходит, что вся Германия имеет темное прошлое, но в этом должны разбираться географы, а не мы. Прошу господина прокурора продолжить чтение обвинительной речи!

В зале послышались смешки, но председатель положил им конец ударом молотка.

Альберехт продолжил бормотать слова, написанные на бумаге. Он не пропустил ни одного предложения, это я точно знал. Ведь я был рядом с ним, когда он писал речь. Это я давал ему советы, и он просто следовал им.

Вопреки стараниям дьявола гордости, поначалу мешавшего Альберехту принять правильное решение. По уши влюбленный в Сиси, он ни на волосок не переживал из-за оскорблений в адрес Гитлера. Эту статью он в свое время прочитал Сиси вслух.

- Этого журналиста нельзя признавать виновным, Беппо!
- Конечно, нельзя, но закон есть закон.
- Вы боитесь Гитлера.
- Но что мы сможем ему противопоставить, если он на нас нападет?

Не надо было ему этого говорить!

Не надо ему было обсуждать с ней эту газетную статью и рассказывать, что против написавшего ее журналиста он возбудил судебное преследование. Удивительно, как он сделал такую глупость. Однако она ведь неизбежно бы обо всем узнала, если бы осталась в Голландии? Но она не осталась, и вполне вероятно, что именно этот процесс и заставил ее принять решение уехать из Голландии. В стране, которая настолько боится, что готова ограничить свободу слова из-за диктатора, пришедшего к власти весьма сомнительным путем, разве она могла чувствовать себя в безопасности?

Чтобы доказать, что и слабый человек может быть хитрым, Альберехт добавил абзац о немецкой клеветнической прессе. Это рассуждение могло сыграть на руку защитнику, как оно на деле и вышло.

Теперь же он хотел пойти еще дальше. Потребовать абсурдно мягкого наказания. И все.

От этого я, к счастью, смог его удержать. Потому что, нашептал я ему, если этот процесс не останется незамеченным в Германии, то это мягкое наказание как раз и привлечет внимание. И в Германии будут говорить: голландцы позволяют себе оскорблять нашего кумира почти безнаказанно. Голландцы позволяют себе обливать грязью нашего фюрера за полгроша.

Но ведь смысл принятого закона состоит именно в том,

чтобы немцы на нас не обиделись? Мы ведь не хотим быть втянутыми в войну? А если это может произойти, то Сиси права: ей небезопасно здесь оставаться?

Он читал свою речь, и руки его сводило судорогой, как будто бумага налилась свинцовой тяжестью.

– Господин председатель, – читал он, – я вкратце описал нравы германской прессы, чтобы показать, что тот, кто осуждает подобную журналистскую практику, должен осознавать, что не имеет права перенимать ее стиль. Подозреваемый недостаточно уразумел ответственность, лежащую на каждом протестующем против тех или иных обычаев и нравов: не позволять себе срывать на то, что ты сам осуждаешь. Подозреваемый забыл об этом и теперь должен держать ответ. Тем более что, если деяния, подобные его деяниям, останутся безнаказанными, всей стране может быть нанесен огромный ущерб.

Он на мгновение смолк, как делал всегда перед произнесением заключительной тирады. В это мгновение он обычно пробегал ее глазами, чтобы потом, низко-низко опустив текст речи, озвучить требуемое наказание, не глядя в бумажку, чтобы присутствующие подумали, что предлагаемую формулировку он блестяще знает наизусть.

«Имею честь, – прочитал он в своих записках, – потребовать для обвиняемого наказания в виде четырех лет тюрем-

ного заключения, два из которых условно, и испытательного срока в пять лет».

Это было по сути максимальное наказание, которого он мог потребовать по закону и которое он выбрал, когда думал, что Сиси не уедет в Америку. Когда готов был заткнуть рот вообще всей прессе, лишь бы Гитлер не тронул Голландию и Сиси смогла бы остаться с ним навсегда.

На этот раз его молчание перед заключительными словами длилось дольше обычного.

Ощущение бессмысленности всех его стараний, постыдности такого наказания для человека, высказавшего вслух ровно то, что Альберехт сам думал о Гитлере, внезапно оглушило его, точно мешок с песком, и он сказал:

– Имею честь потребовать... потребовать... освобождения подозреваемого от судебного преследования...

Эти слова он произнес еще тише, чем прочитал остальную часть речи, и я не мог помешать ему плюхнуться в кресло еще до того, как он успел выговорить:

– Ввиду того, что, на мой взгляд, высказывания подозреваемого с точки зрения закона не являются оскорблениями.

Его шепот был подобен ветру, а зал суда разом превратился в цветочную клумбу, на которой цветы вдруг склонили головки друг к другу. Его слов толком почти никто не слышал, так что журналисты вытянули шеи, переспрашивая друг друга:

«Оправдание?» – «Чего он потребовал?» – «Оправдания?» – «Но это же ни в какие ворота». – «Да-да, оправдания». – «Он что, чокнулся?» – «Но я не слышал слова “оправдание”». – «А это не то же самое, что освобождение от судебного преследования?» – «Не совсем, но по сути сводится к тому же».

Когда Альберехт сел, листы с речью выскользнули у него из рук. Судья, сидевший справа от него, собрал их и с удивлением на лице положил перед Альберехтом. Остальные судьи вообще не слушали, что он говорил, ведь потом все равно придется все читать. И только этот человек со сморщенным лицом и большим взбитым чубом, чьи глазки под толстыми стеклами очков казались размером с изюминки, внимательно разглядывал прокурора в течение двух-трех секунд. Но ничего не спросил и перевел взгляд на правонарушителя от журналистики, на его ничем не примечательную фигуру в воротничке, уголки которого закручивались вверх, в ярко-зеленом вязаном галстуке и с зачесанными назад черными волосами.

Я читал мысли судьи. Вот что он думал: «Обвиняемый, из-за тебя читатели будут ломать голову: можно ли согласиться со статьей, написанной этим маломеркой против Гитлера? Обвиняемый, тебе повезло, что 19 999 из 20 000 подписчиков на твою газету никогда не видели твоей физиономии. Обвиняемый, если бы у тебя было столько же смелости, как у Гитлера, ты бы предпочел стать вторым Гитлером, вместо

того чтобы строчить в свою газетенку. Ты предпочел бы переплюнуть Гитлера в его преступлениях, вместо того чтобы за жалкие гроши валять статейки, которые по сути, конечно, правильные, потому что осмеивают мальчиша-плохиша Гитлера. Но нового в них нет ни на грош, и главное, в чем он его обвиняет, – это в темном происхождении. Пусть Гитлер – сын шлюхи и в трудные времена зарабатывал на жизнь рисованием картинок, но все это факты, которые могут вызвать подозрение только у паршивых и чванливых людишек.

Вот о чем размышлял этот судья, а я думал: но ведь происхождение нашего Спасителя тоже было темным? Можно ли бороться с одним лихом, беря в союзники приверженцев другого лиха?

Теперь слово предоставили защитнику. Это был очень молодой человек, лет двадцати четырех, светлый блондин с высоким лбом. Подбородок казался маловат, зато рот был очень большой, и вещал он, чеканя каждое слово, четко выговаривая все нидерландские гласные и согласные.

Это было первое дело в его жизни, и он читал по бумажке, боясь оторвать от нее взгляд хотя бы на секунду, чтобы не потерять ту строчку, которую читал.

Альберехти сунул руку под мантию. Обратно рука вернулась с серебряной коробочкой. Альберехт поставил коробочку на стол перед собой и достал из нее квадратную мятную

пастилку.

– Чувство человеческого достоинства, – говорил защитник, – едва ли позволит нам применить в данном случае законодательство в таком ключе, как нам только что описал господин прокурор, в итоге не потребовавший этого. Как мы будем себя чувствовать – мы, граждане независимой страны, сохраняющей нейтралитет в мировом конфликте, – если запретим в собственной прессе какие-либо высказывания о главе государства, пусть и дружественного, но о котором известно, что оно постоянно угрожает нашей территориальной целостности?

– Откуда вы это знаете? – спросил председатель суда.

– По нашей армии неоднократно объявлялось состояние боевой готовности. Верховное командование получило разведданные о том, что Германия собирается на нас напасть.

– Откуда вы знаете, что именно Германия?

– Я читаю газеты.

– Я тоже, но не ради удовольствия. Продолжайте.

Молодой адвокат покраснел до корней волос. В этот самый момент Альберехт захотел спрятать в карман под мантией свою серебряную коробочку. Нащупал жилетный карман. Как он думал, опустил коробочку в него. Коробочка с громким лязгом упала на пол.

Тотчас из рук адвоката выскользнули две страницы защитной речи.

О ужас! Воздух в зале суда был такой плотный, что листы бумаги, счастливые, точно обретшие свободу птицы, не сразу опустились на пол, в то время как защитник подозреваемого беспомощно переводил взгляд с одного листа на другой, надеясь, что они оба – или хотя бы один из них – упадут недалеко от него.

Между тем Альберехт как можно беззвучнее отодвинул стул от стола и, отклоняясь назад, пытался заглянуть под стол, где было очень темно из-за свисающей зеленой скатерти.

Он не видел коробочки. Тогда я передвинул его правую ногу на миллиметр вперед, и нога нащупала коробочку. Альберехт понял мою мысль и носком передвинул коробочку в такое место, где мог до нее дотянуться, не ныряя слишком глубоко под стол.

Адвокату повезло меньше. У него не было ангела-хранителя, как и у его клиента. Они оба были членами коммунистической партии. Один из листков в итоге упал на пол прямо перед столом, за которым сидели судьи.

Адвокат решил поднять его, сделал три шага вперед и присел на корточки. При этом его мантия раздулась, символ престижа стал похож на надувной шарик, не собиравшийся взлетать. Нет, присевший на корточки адвокат скорее напоминал спустившуюся с неба ворону, которая увидела на земле дохлого кролика. Какие-то чертенята внушили судьям желание наподдать адвокату под столом ногой. Председатель

даже подумал: ух, елки-палки, как бы я хотел дать ему хорошего пинка. От подавляемого желания он даже покраснел. Но вовремя удержал ногу и ограничился тем, что демонстративно сдвинул очки на лоб, поднес к глазам какую-то бумагу и принялся читать.

В конце концов адвокат встал, держа бумаги в левой руке, обливаясь потом. Судебный пристав тем временем подобрал второй лист и протянул его адвокату.

– Уважаемые судьи! Великий поэт некогда сказал: *Castigat ridendo mores*. Что будут думать о нас потомки, если мы осудим этого автора, который, пусть и в несколько игривой⁶ манере, оказал услугу отечеству, указав на грозящую нам опасность? Как будем мы...

– Что значит «мы»? – прервал его судья, сидевший рядом с Альберехтом. – В ваши обязанности вовсе не входит осуждать подозреваемого.

– Прошу прощения.

– Я ни единого раза не усмехнулся, читая статью вашего клиента, – сказал председатель суда.

– Мы... Что будем мы сами о себе думать, если опасность, на которую указал этот автор, окажется вовсе не воображаемой, если завтра, или на следующей неделе, или через две недели так называемый глава дружественного государства

---

⁶ «Смехом бичует нравы». Девиз Театра комедии (*Opéra Comique*) в Париже. Первоначально – девиз итальянской труппы комического актера Доминика (*Dominico Brancollelli*) в Париже, сочиненный для нее неолатинским поэтом Сантелем (XVII век).

окажется вовсе никаким не другом? Если Германия нападет на нашу страну, а этот журналист будет сидеть за решеткой, из-за того что мы... из-за того что вы признали его виновным? Ведь получится, что вы фактически выдали его, беззащитного, гестапо?

Я не утверждаю, что мое катастрофическое предположение сбудется, но вовсе не исключено, что нам уготована та же судьба, что и Дании и Норвегии. Разве можно в свете последних событий принимать решение на основе закона, который в мирное время... в мирное время...

Он дочитал страницу до конца, а следующая страница, по всей видимости, с ней не стыковалась. Так что мирное время закончилось шуршанием бумаги.

– Ладно, – произнес председатель суда с отеческой ноткой, – не наше дело рассуждать о законах. Наше дело их применять.

– Он вовсе не хотел оскорблять Гитлера! – воскликнул адвокат, который от отчаяния отважился говорить без бумажки. – Мой клиент обрисовал облик человека, стоящего во главе большой страны, несущей угрозу всему миру.

– Хочет ли взять слово подозреваемый?

– Да, конечно, – сказал подозреваемый и встал. – Бояться – это одно, а лишиться последних остатков чувства собственного достоинства – это другое. Я прекрасно понимаю, что правительство насквозь прогнившего капиталистическо-

го государства готово наделать в штаны.

– Вы хотите ему в этом помешать?

– Да, хочу, но наша страна будет похожа на дурдом, заселенный страусами, которые прячут голову в песок, если будет думать, что Гитлер пощадит Голландию благодаря тому, что вы осудите меня за оскорбление главы дружественного государства.

– Пока что об этом говорить рано, – сказал председатель суда, – вы услышите о решении через две недели.

И закрыл заседание ударом молотка.

Альберехт брел по коридору Дворца правосудия в сторону своего кабинета. Он плелся, удрученный вопросами, которые я ему задавал, а он понятия не имел о том, что это я их задаю.

– Почему ты поехал дальше? Уехать с места происшествия – это серьезное правонарушение, особенно после *такого* происшествия.

«Это несчастный случай, это не убийство», – размышлял Альберехт.

– На дороге с односторонним движением, по которой ты в эту сторону вообще не имел права ехать.

«На дороге с односторонним движением, по которой я в эту сторону вообще не имел права ехать».

Он на миг приостановился, и другие люди в коридоре проплыли мимо него, точно призраки.

Лучше смерть, чем разоблачение.

Или своей добровольной смертью он аннулирует все, что сделал для Сиси, потому что она от него уехала. О господи, как такое может быть?

– Господь, в которого ты не веришь, никогда тебе не расскажет, как такое может быть. И вообще, какое ты имеешь право задавать вопросы Господу?

Но он не воспринял моего ответа из-за своего неверия.

– Почему ты бросил тело девочки в кусты?

– Я этого не делал. Никакой девочки вообще не было. Если бы она была, то я сгорел бы синим пламенем вместе с моей любовью к Сиси.

– А если Бог все видел?

– Бог, – пробормотал он. – Бог не может так наказывать за езду не в том направлении. А такого Бога, который это допускает, надо изгнать из человеческого сознания.

– Но ты сам все сделал, сам свернул на эту дорогу, сам несся, как бешеный, сам не смотрел вперед, сам уехал с места происшествия.

– Если бы я не уехал, я бы сейчас там так и сидел. Туда никто не сворачивает.

– Ты должен был поехать за помощью и вернуться к девочке. Вообще-то еще не поздно. Поезжай обратно, достань маленькое тельце из кустов, вызови полицию.

Он вошел в кабинет – большую комнату с давно не мы-

тыми окнами, которые сейчас, в слабом вечернем свете, казались покрытыми паутиной. Здесь стояли только письменный стол, обычный стол, несколько кожаных стульев и два открытых шкафа с фолиантами. Из эркера ему была видна парковка, где он поставил машину.

Дождь не прекращался. В эркере уже много месяцев протекала крыша, из-за чего здесь постоянно стоял бачок из-под угля, который после дождя, по мере наполнения, выливала уборщица.

Альберехт посмотрел в окно. Машина стояла так, что ему виден был радиатор. Может быть, на ней остались царапины, а то и вмятина от столкновения с девочкой. Может быть, прилипшая прядь волос с кровью. В решетке радиатора мог застрять лоскуток от платья или обрывок пальтишка.

– Дождь смыл все следы, – сказал черт. Альберехт не увидел в окно ничего особенного. Если к радиатору или к бамперу что-то поначалу и прилипло, то от езды под дождем уже давно отвалилось. А что с другой стороны машины, которую ему не было видно?

Он подумал: «Меня это не волнует. Эта машина приносит одни несчастья. Сиси она тоже не нравилась». Бульк! В бачок из-под угля упала капля воды.

«Надо было купить другую машину, чтобы ее порадовать. Но когда я выйду на улицу, надо будет как бы невзначай обойти вокруг машины. Сделать вид, будто просто-напросто собираюсь в нее сесть и поехать домой, но на самом деле

внимательно проверить, нет ли следов... Перед глазами стояло видение большого лоскута, вырванного из ее пальтишка и висевшего на пороге машины, все это время провисевшего на пороге...»

Пальтишко было противного желтого цвета, вспомнил он.

Шерстяное? Оно было из шерсти? Да, шерстяное. И эта машина. «Рено вивакатр» с желтыми колесами. Действительно, некрасиво.

Бульк! Еще капля. Так небеса напоминали о себе с помощью небесной влаги.

– И ты еще размышляешь о внешнем виде своей машины, – вспыхнул я. – Ты что, совсем бесчувственный чурбан?

Он отошел от окна, снял мантию и положил черную шелковую ткань на стол. Медики оперируют в белом, служители Фемиды – в черном. Есть ли разница в том, чтобы нечаянно задавить ребенка, и в том, чтобы дни напролет сидеть над составлением обвинительной речи, где ты гневно требуешь пожизненного заключения для человека, с которым, возможно, всего лишь произошел несчастный случай?

Альберехт вышел в коридор и направился в туалет. В конце коридора на стене висела белая картонка с надписью «Бомбоубежище», под которой была нарисована черная рука, указывающая вниз. В здании суда было тихо, казалось, будто электролампочки, все без исключения маломощные, распространяли застойный бумажный дух, повисший между стен. Широкие коридоры, казавшиеся узкими из-за неверо-

ятно высоких потолков. Человек, идущий по таким коридорам, не мог избавиться от ощущения, что стены в любой момент могут сдвинуться и раздавить его.

Моя руки, Альберехт внимательно рассматривал свое лицо в выдавшем виды зеркале над раковиной из настоящего, но грязно-серого мрамора.

В туалете потолок был тоже невысказанно высокий, такой же высоты, что и в коридорах. Унитаз, в действительности впечатляюще-монументальный, казался здесь маленьким и жалким. И до чего же жалким выглядел сам Альберехт, когда я смотрел на него из-под потолка.

Стилистика этого помещения была призвана создать ощущение, что все здесь происходящее, каким бы неаппетитным и потаенным оно ни было, на самом деле не имеет ни малейшего значения: расстегнуть ширинку, достать член, помочиться. Или даже спустить брюки, снять трусы, сесть прыщавыми белыми ягодицами на стульчак, с которого уборщица может стереть лак, но не может стереть ощущение, что это нечто отвратительное. А после того вытереть самое отвратительно-грязное, что только есть у человека, и не чем иным, как *бумажкой*, которой никогда ничего не вытрешь дочиста. Руки человек моет тщательно и с мылом, едва они хоть чуть-чуть запачкаются, а зад вообще не моют, хоть это нужнее всего... В том числе блюстители Закона. В том числе судьи. Судья – это такая высокая должность, что если бы су-

дья справлял нужду в туалете не с таким высоким потолком, то настолько уронил бы свое достоинство, что не смог бы более исполнять обязанности. В этом туалете, построенном специально для судей, благодаря высоте потолка человеческие нечистоты становятся ничтожно малыми по сравнению с величиим Правосудия. Запахи с легкостью развеиваются, ибо потолок их не удерживает. И тем самым гарантируется чистота тех, кто служит Закону. Ваши грязные тайны остаются в тайне, словно говорит это помещение находящимся здесь служителям Фемиды, я абсорбирую все то нечистое, что вы производите. Мысль утешительная! Ах, если бы он мог спустить в унитаз все то, что случилось за день! Не слышал ли он как-то раз в Ротари-клубе историю об одном судье, который после вынесения приговора женщине всегда шел в туалет и... Наверное, он признался в этом своему психиатру. Альберехт догадывался, о ком речь, но не был уверен полностью. Но эту историю он знал уже лет десять.

Альберехт открыл кран и подержал руки неподвижно под струей холодной воды, недоумевая, как его мысли могли принять такой оборот.

«Я чудовище или я сумасшедший», – думал он.

Большую часть своей фигуры он мог лицезреть в зеркале.

Полноват, зато дорогой костюм. Лицо мясистое, для его возраста несколько потрепанное. Волосы на макушке редкие, зачесанные на левый пробор. Глаза голубые, по ним сра-

зу видно, что он добряк. Толстые губы, нижняя немного свисает, такая губа прямо просит, чтобы к ней поднесли рюмочку.

«Я был слишком потрепанный, чтобы на ней жениться», — подумал он и облизал нижнюю губу.

Вытянул губы трубочкой, чтобы дыхнуть самому себе в нос. Запах перечной мяты. Он в первый раз после того, как бросил пить, почувствовал так остро, насколько скучает по запаху алкоголя. Ощущение, будто вдруг лишился одной перчатки из той пары, что носишь каждый день.

Где-то зазвонил телефон. Он хотел вытереть руки полотенцем, намотанным бесконечной лентой на катушку, за которое надо было немного подергать, чтобы вытянуть чистый кусочек. Но то полотенце, что здесь висело, явно уже не раз прокручивалось по всей длине. Он отпустил полотенце, вытер руки носовым платком и засунул его влажноватыми пальцами обратно в карман, потому что платок был слишком тонкий, чтобы впитать столько воды.

Телефон зазвонил снова. И продолжал звонить, пока Альберехт шел к себе в кабинет. Даже находясь в кабинете, он слышал этот звонок, хотя звонили не ему. Почему звонят так долго, кто это названивает с такой настойчивостью, словно не понимая, что никто не собирается подходить?

Не связан ли этот звонок с Альберехтом?

Может быть, это незримый свидетель, который *все-все* видел и его выследил? Или который *что-то* видел, что-то или

кого-то, и потому звонит во Дворец правосудия? И по чистой случайности именно Альберехт слышит звонок телефона, номер которого набрал простодушный свидетель?

Примерно то же самое, как если человек гуляет с женой по парку, а навстречу идет ее любовник. «Ты заметила, как этот тип на тебя посмотрел? И что только он себе воображает?»

«Ситуация, которой я всегда боялся, – подумал Альберехт. – Потому-то я и не женюсь.

Он сел за письменный стол и посмотрел на стоявший там телефон. Это был большой аппарат с сорока кнопками и двумя датчиками, показывавшими, какая линия сейчас работает, местная или городская. В данное время не работала ни та, ни другая. Альберехт полистал телефонную книгу и набрал номер. Трубка, приложенная к уху, вдруг стала такой тяжелой, что он даже опер ее нижней частью о стол.

– Девушка, позвольте у вас кое-что спросить. Скажите пожалуйста, в котором часу летит сегодня самолет в Лондон и могу ли я забронировать на него билет?

– К сожалению, в настоящее время самолеты в Англию не летают.

– Почему?

– Из-за напряженной международной обстановки.

– Да что вы такое мне говорите?! Вы что, газет не читаете? Вы не читали в утренней газете, что Германия опровергла все слухи о том, что якобы собирается напасть на Голландию?

– Самолеты летают теперь только из Гронингена. Экспорт цветов в Германию. Ничем не могу вам помочь.

Альберехт положил трубку и в бешенстве швырнул телефонную книгу на пол. Бешенство немного улеглось.

Потом поставил локти на край стола, оперся подбородком на большие пальцы, а подушечки остальных пальцев оказались у него на лбу. В носу у него зачесалось, как будто от простуды. Вдоль правой ноздри стекла слеза. Он сумел подавить всхлип, глубоко вздохнул и откинулся на спинку кресла. Правая рука выдвинула ящик стола и достала лежавший там пистолет.

Альберехт принялся его внимательно осматривать, вертя в обеих руках. Снял с предохранителя, затем снова поставил на предохранитель. Достал из рукоятки пистолета магазин. Высыпал патроны на промокательную бумагу. Их оказалось шесть штук. Он направил дуло в сторону настольной лампы и посмотрел в него: пусто. Затем снова положил патроны в магазин и задвинул магазин на место.

Он долго-долго сморкался, дважды сложил платок пополам, вытер все лицо этим противным мокрым платком. Затем попытался зарядить пистолет, оттянул затвор, чтобы патрон скользнул в патронник, но этого не произошло. Патрон застрял, встав косо, наполовину внутри ствола, наполовину снаружи. Альберехт несколько раз постучал рукояткой по столу, но патрон не шелохнулся. Весь механизм наглухо заклинило.

В отчаянии Альберехт встал, прошел к стулу, где висел его плащ, и извлек из кармана письмо, которое девочка несла опускать в почтовый ящик.

Детский почерк, которым был написан адрес, он видел уже во второй раз. Странный адрес:

Herrn Dr. Anatol Lindenbaum
Karpengasse Kaprová 15
Prag Praha
Československo
Protectorat Böhmen und Mähren
Deutschland ⁷

Чехословакия! Страна, которая уже давно поглощена Германией!

Какой-то взрослый зачеркнул это название и ниже написал «*Протекторат Богемии и Моравии, Германия*».

На обратной стороне конверта девочка написала адрес отправителя, но он тоже был зачеркнут. Той же ручкой, что и слово «Чехословакия», но иначе. Не просто одной линией, а частоколом из линий, чтобы имя было не прочесть.

Альберехт перевернул конверт снова. В правом углу было наклеено три марки, довольно криво, наверное, их клеила сама девочка. В сумме их стоимость была на полцента меньше,

---

⁷ Г-ну доктору Анатолию Линденбауму, Карпова ул., 15, Прага, Чехословакия, Протекторат Богемии и Моравии, Германия (чешский и немецкий).

чем надо для отправки письма за границу. Взрослый, проверивший адреса, видимо, не обратил на это внимания.

Может быть, прочитать письмо? Но он придумал кое-что получше: положил его на промокательную бумагу, точно на середину, и снова взялся за пистолет. Так его жертва станет объяснением его поступка.

Застрявший патрон не удавалось сдвинуть никакими силами.

Из другого ящика стола он достал очень толстый перочинный нож, так называемый швейцарский армейский. На черном пупырчатом корпусе имелся маленький красный овал с белым крестиком. Нож включал в себя большой нож и маленький, штопор, длинное шило и короткое, ножнички, грубую пилку, тонкую пилку и стальную пилку по металлу, открывалку шампанского в комбинации с узкой отверткой и открывалку для пивных бутылок в комбинации с широкой отверткой.

На эти-то отвертки он и возлагал надежды, которые скоро окажутся напрасными.

Кто, как не я, сделал так, что патрон заклинило?

Как Альберехт ни старался, патрон не поддавался. Уж я-то постарался, чтобы он застрял так застрял. В конце концов Альберехт развинтил пистолет на двенадцать частей, но патрон по-прежнему сидел в патроннике косо и неподвижно. Детали не оставляли на бумаге жирных следов. Альберехт снова откинулся в кресле, достал из кармана серебряную ко-

робочку и сунул в рот мятную пастилку.

С пастилкой под языком, даже не думая ее сосать, он просидел, глядя перед собой, минут пятнадцать. Затем выдвинул верхний ящик левой тумбы стола и сгреб в него и швейцарский нож, и детали пистолета.

В расстегнутом пальто и в шляпе он вышел из здания суда. Внизу у ступенек остановился, указательным пальцем правой руки приподнял рукав и взглянул на часы. Было полвосьмого.

Сиси, подумал он, уже целый час плывет по морю. Прощай, любимая. Даже если твой корабль утонет, мы с тобой все равно уже больше не увидимся на том свете, которого нет.

Ему потребовалось невообразимое самообладание, чтобы подойти к машине, вынуть из кармана ключи, не броситься осматривать машину со всех сторон, открыть дверцу, сесть за руль, завести мотор и уехать. Я заботился о том, чтобы он все сделал безошибочно, в указанном порядке. Но этот неблагодарный вместо того, чтобы поехать сразу домой, отправился в центр города и остановился перед большим кафе.

Над летней террасой перед входом все еще был опущен тент, с которого капала вода. Белый с зелеными полосами брезент закрывал от дождя передние ряды столиков. Все сто-

лы и стулья, поставленные как можно плотнее друг к другу, были задвинуты вглубь. Альберехт сел в самом дальнем ряду. Он был единственным посетителем.

Он расстегнул верхнюю пуговицу плаща, сунул руку в карман жилета, нашел коробочку с мятными пастилками. Когда он вынул руку из-под плаща, по воздуху распространилась волна резинового запаха.

– Вполне может быть, – сказал я ему, – что девочку не найдут еще несколько недель, но когда это случится, тебе будет скорее всего несдобровать.

«Я уже восемь лет подряд отправляю людей в тюрьму. Так что если я туда попаду сам, это будет более чем справедливо. Но как я туда попаду? Меня никто не видел. Вон стоит моя машина». Это одна из самых оживленных улиц. Его никто не узнает, хотя родственники девочки наверняка ее повсюду ищут. Но даже если какому-нибудь служителю фемиды придет в голову заподозрить Альберехта, он сначала десять раз подумает и скажет себе: это бред. Прокурор не мог этого сделать. Я не стану этого расследовать, а то неприятностей не оберешься.

«Интересно, сколько преступников меня ненавидит и поклялось в тюрьме мне отомстить. Удавалось ли им такое? Можно только удивляться, как редко люди мстят полиции и правосудию. Многое говорит о том жалком человеческом соре, который мы осуждаем и сажаем. Трусы. Пробивают череп одинокой вдове восьмидесяти восьми лет, чтобы забрать

из ее копилки 6 гульденов 38 центов. На большее они не решаются».

Смутно осознавая, что не до конца продумал свою мысль (я не подпускал к нему черта), он барабанил пальцами по столику, затем осмотрелся, поворачиваясь всем телом в разные стороны, чтобы увидеть официанта. Внутри кафе почти не было света. Только в самой глубине зала он увидел блеск никелированного кофейного аппарата в свете хрустальных бра. Человек в белом был занят чем-то связанным с этим аппаратом. Альберехт попытался привлечь его внимание, подняв руку, хотя знал, что обслуживание посетителей на улице не входит в его обязанности. Альберехт ничуть не удивился, когда человек в белом не отреагировал на его жест и продолжал делать свое дело.

На другой стороне улицы был кинотеатр с яркой афишей по всему фасаду:

С СОБОЙ НЕ УНЕСЕШЬ

(You Can't Take It with You)

Самый успешный фильм с участием Джеймса
Стюарта ⁸

28-я неделя проката

По улице со звоном приближался трамвай, закрывая Альберехту обзор, и остановился прямо перед кинотеатром. Крыша трамвая оказалась точно на уровне нижнего края афиши, так что какой-то миг казалось, будто афиша крепит-

---

⁸ Знаменитый американский фильм 1938 г., режиссер Фрэнк Капра.

ся на крыше трамвая. Но трамвай проехал дальше, а афиша осталась на месте.

– Даже трамвай с собой не унесет, – сказал Альберехт почти вслух, – уже двадцать восемь недель никто ничего не может унести.

Я сидел у него на плече и сказал ему:

– Никто не собирается тебя тут обслуживать. Разве это не знак? Не последнее предупреждение, что тебе здесь не место? Если ты вдобавок еще и начнешь пить, то тогда вообще все потеряно.

С собой не унесешь.

В каком смысле? Пока человек жив, он идет, а если он идет, то наверняка сможет найти выход.

Но он встал и сделал совсем не то, что я от него хотел.

Раздвигая столики, он прошел ко входу в ресторан и ступил на толстый персидский ковер в вестибюле. Бар находился внизу, и он спустился в бар.

Сначала, не снимая плаща, заглянул внутрь. В баре сидели двое офицеров, и больше никого. Бармена, стоявшего за стойкой, он никогда раньше не видел. Прежнего бармена Нико наверняка мобилизовали. Альберехт повесил пальто и сел на барный стул слева от офицеров, с наслаждением вдыхая висевший в воздухе запах алкоголя.

– Будь ты разумный человек, ты бы этим и удовлетворился, – сказал я. Порой я не против пошутить. – В день по две-три капли йеневера на носовой платок и нюхать. Это спасло

бы тебя от мучений и предотвратило бы многие несчастья, если бы ты смог этим ограничиться.⁹

Он кисло улыбнулся своим ребяческим мыслям и заказал пива. Несчастный случай. «Если мой проступок рано или поздно будет обнаружен, то ни одна собака не поверит, что я был трезв». И Альберехт сделал первый глоток пива.

При ближайшем рассмотрении пиво на вкус – все равно что вода, в которой три дня размачивали зачерствевший кусок хлеба. Что тут вкусного?

Надо будет подержать ломоть хлеба три дня в воде, попробовать, какой будет вкус. И он сделал второй глоток.

За стойкой бара висело три зеркала, так что посетители могли рассматривать друг друга, не поворачивая головы. Один из офицеров, лейтенант-артиллерист с двумя звездочками и двумя перекрещенными оружейными стволами на воротнике-стойке, пил йеневер.

Второй выглядел худым и сморщенным, хоть и не старым. Все его лицо, от шеи до лба, было испещрено глубокими морщинами. На нем была такая же зеленая полевая форма, как и у первого офицера, но на воротничке, отороченном черным бархатом, поблескивали вышитые золотыми нитками пропеллеры. Присмотревшись хорошенько, я увидел у него на верхней губе тонкую полоску светлых волосков.

– Хотите сигарету?

– Нет, спасибо, я не курю.

---

⁹ Традиционный голландский джин.

Артиллерист сам с трудом достал сигарету из пачки, которую только что предлагал Альберехту, и положил ее перед летчиком.

– К тому же, – сказал летчик, – немцам ничего не стоит сжечь все самолеты, прежде чем они поднимутся в воздух.

– Так они сделали в Польше в первый же день. Уничтожили все польские военно-воздушные силы.

– Этого никак не предотвратить.

– Замаскировать кучами веток.

– А как из-под них выпутаться, когда надо будет взлетать? А в Норвегии Пятая колонна насыпала песка в двигатели.

– Песка?

– Песка. Кстати. Знаешь, сколько у нас самолетов, по скорости соизмеримых с немецкими?

– Где-то шестьдесят. Я так полагаю. У нас же есть наш отличный G. 1? ¹⁰

– Говоришь, шестьдесят? На самом деле их всего двадцать три. G. 1, отличный самолет, делает до 450 километров в час. Ян, налей-ка мне еще две порции того же.

Бармен подошел к нему и наклонил над его рюмкой бутылку с пробкой-дозатором, в которой забулькал йеневер.

– Всего двадцать три? – спросил другой офицер с недоверием, как будто был в магазине и боялся, что ему недодадут

---

¹⁰ Фокер G.1 (*нидерл.* Fokker G.1) – нидерландский двухмоторный самолет, применялся как истребитель и разведчик. Состоял на вооружении в Нидерландах с сентября 1939 года. Всего изготовлено от 61 до 63 экз.

товара.

– Есть еще двадцать три других самолета, но на них нет вооружения.

– Елки-палки! Но ведь его можно установить!

– Как только – так сразу. Так что займись! Так вот, эти двадцать три, в которых уже есть вооружение... Знаешь, сколько из них оборудованы радиоаппаратурой?

Артиллерист низко наклонил голову и сделал глоток йе-невера.

– Четырнадцать, – сказал летчик. Сжал правый кулак и стал ритмично ударять им по стойке, скандируя, точно болельщик во время матча: – Че-тыр-над-цать, Че-тыр-над-цать!

– Надо было конфисковать у КЛМ все гражданские самолеты и оборудовать люками для сбрасывания бомб. Это же современные машины. Хоть что-то... ¹¹

– Конечно. Немцы легко посбивали бы их все из катапульти.

Второй офицер выпил рюмку до дна, сложив губы трубочкой, и по его лицу было видно, что на душе у него накипело что-то очень важное. Настолько важное, что он должен был чрезвычайно сосредоточенно допить рюмку, прежде чем поделиться. Потом он посмотрел сквозь рюмку на свет, поставил ее, с агрессией в движениях повернулся к Альбе-

---

¹¹ Koninklijke Luchtmaatschappij – знаменитая нидерландская авиакомпания, существующая до наших дней.

рехту, внимательно оглядел его, заключил, что Альберехт – не шпион, и затем сказал летчику:

– Попробуй догадаться, сколько времени моя батарея сможет вести огонь, если потребуется.

– И сколько же?

– У меня есть по двенадцать зарядов на орудие.

– Если потребуется, то боеприпасы доставят из Англии по воздуху. Ты что, не знаешь?

– Нет, не знаю. Зато знаю из очень надежного источника, что с зенитной артиллерией обстоит еще хуже. Компании «Рейнметалл-Борсиг» заказано двадцать тридцатисемимиллиметровых зениток. Наше правительство уже заплатило за них сливочным маслом на сумму два миллиона. И думаешь, Гитлер поставил нам эти зенитки? ¹²

– Я думаю, они сейчас в пути.

– Прошу прощения, что вмешиваюсь в разговор, – сказал Альберехт, – но даже если Германия вынашивает некие планы, мне кажется вполне вероятным, что они все-таки поставят нам эти зенитки. В качестве прикрытия, понимаете? Впрочем, во время Восьмидесятилетней войны мы тоже поставляли пушки испанцам и наоборот. Тут не было ничего особенного. ¹³

---

¹² (нем. 3,7 cm Flugzeugabwehrkanone) – немецкое 37-мм зенитное орудие, разработанное компанией «Рейнметалл».

¹³ Восьмидесятилетняя война, в нашей стране больше известная под названием «Нидерландская буржуазная революция XVI века», – вооружённая борьба Нидерландов за освобождение от испанского владычества, продолжавшаяся сум-

– На этот раз война продлится меньше восьмидесяти лет, – сказал летчик.

Лейтенант-артиллерист, недавно так нарочито изучавший Альберхта, теперь повернулся к нему всем корпусом.

– Это полная нелепость, – сказал он, – я бы на месте Гитлера тоже не стал поставлять нам зенитки.

– То, что он отказался от поставки зениток, может как раз означать, что он не собирается на нас нападать, – сказал Альберхт. – Иначе он послал бы нам заказанное в Германии вооружение, чтобы не вызвать подозрения. Гитлер очень хитер.

– Глядя на вас, я вижу, что вы не Пятая колонна, так что могу доверить один секрет.

– Я сам – не Пятая колонна, но у моей матери служанка-немка.

– Известно ли вам, сколько раз уже объявляли боевую тревогу?

– Но ее объявляли на ровном месте, это была учебная тревога, вы это хотите сказать, учебная тревога.

– Отложить не значит отменить, – вдруг вмешался в разговор летчик.

– Вы хотите сказать, что это была настоящая тревога, совершенно всерьез? – спросил Альберхт. – Может быть, правительство хотело проверить, насколько армия готова к войне.

– Готова, не готова, – сказал артиллерист, – но против

немцев мы бессильны. Бес-силь-ны.

– У нас есть Ватерлиния, если что, мы затопим земли вдоль границы с Германией, – сказал Альберехт, глотнул пива и подумал: на вкус – как вода, в которой много дней пролежал кусок хлеба.

– Так-то оно так, – сказал артиллерист, – но сразу видно, что вы не военный. Вы как сердитый ребенок. Кто сказал, что неприятель нападет с востока?

– Но вы же не станете утверждать, что нам угрожает Англия?

Летчик расхохотался.

– Позвольте рассказать вам еще кое-что, – сказал артиллерист, – полагаю, вам можно доверять. Я это услышал из источника, который не буду называть. В ночь с 13-го на 14 апреля береговая охрана близ Ден Хелдера заметила передвижение большого морского конвоя, направлявшегося на юг. Большого конвоя, шестнадцать кораблей. Немецких кораблей. Понимаете, что я хочу сказать? На Норвегию они напали с моря. С нами может быть то же самое. Шестнадцать немецких кораблей. Не сухопутные войска с востока, а военно-морские силы с запада.

– Но, господин лейтенант, – сказал Альберехт, – даже если немцы на это пойдут, есть же великобританский флот. Если немцы попытаются напасть на нас с моря, то британцы уже через час дадут им отпор.

– Вполне может быть, – сказал лейтенант, – но через ме-

сяц мы уже не сможем вот так сидеть втроем, вчетвером, как сидим сейчас. По морю, по суше и по воздуху. Скажи, Ян, ты еврей? А ты, Долф? Ты еврей?

Бармен стоял у дальнего конца барной стойки, у кассы, и не переставая что-то писал.

– Если ты еврей, – сказал артиллерист, – то самое правильное – за неделю собрать чемодан.

– Ты пораженец, – сказал летчик.

Альберехт отхлебнул из кружки немного пива, ставшего совсем безвкусным и теплым, таким, что пить невозможно, и проглотил его. Сделал еще один глоток – чтобы затем завязать навеки. «Ты мог бы выпить и десять кружек пива без всякого удовольствия, – сказал черт. – Ты мог бы выпить и десять кружек пива, чтобы доказать, что пиво на тебя не действует». Самую большую беду моей жизни я превозмог, отметил про себя Альберехт с удовлетворением. И вместо нее за один день на меня обрушились две новые напасти.

Нет, ваша честь, я не выпил ни капли. Я не был пьян. Но ведь известно, что вы всегда любили заложить за воротник. Я не пил уже полгода, ваша честь, уже полгода капли в рот не брал. Связано ли это с той женщиной, которая появилась в вашей жизни? Да, действительно, можно так сказать. И эта женщина в тот самый день отбыла в Америку? Да, действительно, но... Вы проводили ее в Хук-ван-Холланд? Разумеется, но... И вы были сильно расстроены после прощанья? Не стану отрицать, но все же... Но вы все же утверждаете,

что *капли в рот* не брали?

Такая вот карьера: от государственного обвинителя до отчаянно отрицающего все на свете подозреваемого. Нет, ваша честь, я не пил, ни капли, я бросил навсегда, я исправился... О Небеса, какое унижение! Не пострадает ли его чувство самоуважения меньше, если он пропустит мимо ушей обвинение в том, что был пьян? Какая разница? Он вел себя, как пьяница, и неважно, выпил он или нет. И после того как отсидит положенный срок, ему останется только отправиться вкалывать чернорабочим в Америке – что-нибудь в этом духе.

Лейтенант-артиллерист снова обратился к Альберехту, словно знал, что у него в мыслях как раз закончился один абзац и еще не начался следующий. (Человеческие мысли? Книга, в которой по очереди делают записи Бог и Дьявол и которую человек должен прочесть от начала до конца. О, как это меня огорчает.)

Альберехт взглянул на военного и отметил про себя, что офицер уже совсем захмелел.

– У вас есть жена и дети?

– Нет, жены и детей у меня нет, – сказал Альберехт.

– А вот у него есть, скажи, Долф? – обратился артиллерист к летчику. – Сколько у тебя жен и детей? Пять?

– Детей шесть, – сказал летчик, и от широкой улыбки складок на морщинистом лице стало еще больше.

– А сколько жен?

– Шестьдесят.

– Значит, плохо старался. Он плохо старался, – повторил артиллерист, обращаясь к Альберехту, и повернулся в его сторону так резко, что кожаное сиденье барного стула закрипело под форменными брюками. – А я вот хорошо старался, но это не помогло.

Он медленно покачал головой.

– Женщины – дело непростое. Думаю, я еще лет десять не женюсь. Мне тридцать восемь. Самое неприятное в проблемах с женщинами то, что это связано с сексуальной жизнью. В двадцать три года я познакомился с девушкой. У нас завязался роман. Чудесная девушка, и мне кажется... мне кажется, что я на самом деле люблю только ее. Но когда тебе двадцать три года, думаешь, что все пути перед тобой открыты. Так вот, я встречался с ней довольно долго, но потом решил: она мила, но очень уж у нее спереди плоская фигура.

Мы вместе ходили на всякие праздники, то на один, то на другой, и я видел своих друзей с другими девушками, не такими плоскими. Совсем не такими плоскими. И однажды в постели я заметил, что мне с ней не так уж хорошо. В постели она вообще-то была обалденная. Но спереди плоская. Вот я и подумал: если на ней женюсь, то всю оставшуюся жизнь мне не за что будет подержаться. Вы меня понимаете? Не за что будет подержаться и меня замучает мысль, что, будь оно иначе, я чувствовал бы себя намного более успешным. И вот моя девушка говорит: что с тобой случилось в послед-

нее время? Ты стал таким холодным. Она купила подушечки и вложила их в себе в лифчик, и я сказал: вот так тебе идет. Отлично! Но на самом деле мое недовольство только усилилось. Какой мужчине прок от двух подушечек? И когда мы шли на очередной праздник, я думал: все вокруг пытаются понять, что произошло. Девчонка, которая всегда была такая плоская, вдруг перестала быть плоской, разве такое бывает? Она наверняка подсунула под блузку подушечки. Я был уверен, что все помнят, какая она раньше была плоская. Поэтому она раздражала меня все больше и больше, и когда один из моих приятелей начал за ней бегать, я повел себя как дурак. Время от времени она меня спрашивала: ты не ревнуешь? И я отвечал: с чего мне ревновать, я же знаю, что ты любишь только меня.

И вот в один прекрасный день звонит мне этот друг и сообщает: я хочу поговорить с тобой об одном важном деле.

Раньше он всегда запросто заглядывал ко мне, без телефонного звонка, а теперь нате вам, так что я понял, насколько это серьезно, и ответил: конечно, Лодевейк, встретимся там-то и там-то в таком-то часу.

Когда я шел на встречу с ним, я уже страшно злился. Со стороны можно было подумать, что я вот-вот получу именно то, что хочу: избавлюсь от подруги и никаких сцен. Так-то оно так, но у меня не было никого другого, потому что на самом деле я любил только эту девушку. Пусть лучше плоская, чем вообще никакой, думал я. Но назвался груздем, полезай

в кузов, хотя я и не понимаю, какой в этом смысл. В общем, сижу я и терпеливо слушаю, что говорит мне друг. А он давай рассказывать: как старый друг и джентльмен не могу, говорит, скрывать, что несколько раз был с Теей, а некоторые вещи не остаются без последствий, так мол и так. И теперь она беременна. Как быть?

– Ты ее любишь? – спрашиваю.

– То-то и оно, – отвечает Лодевейк. Когда она рядом, он без ума от счастья, и уже на следующей неделе они собираются пойти в ратушу, чтобы зарегистрировать брак.

– Поздравляю, друг, – говорю я ему, – но скажи пожалуйста, что ты в ней нашел?

– Не притворяйся, – говорит, – будто ты сам не знаешь.

В жизни не догадаетесь, что он принялся мне рассказывать. У Теи, говорит, у Теи, пусть она и плосковата спереди, но у нее самая замечательная попка из всех, которые ему доводилось шлепать. Такая круглая, такая пикантная, чтобы не сказать интеллигентная, чтобы не сказать... Господи, чего он только не наговорил. Но... но я ее все равно лишился. Что вы будете пить?

– Тоник, – сказал Альберехт.

– Тоник с... – спросил Ян.

– С ломтиком лимона, – ответил Альберехт.

– Два года я был один, – сказал артиллерист, – а потом...

– А потом нашел другую, – сказал летчик, – такую же милую, как Теа, только менее плоскую, но и у нее фигура была

не то чтобы соблазнительная. В гостях, одетая, она выглядела очень даже привлекательно, но потом, по дороге домой, еще шагая с ней рядом по улице, ты уже думал: сейчас она разденется и в ней не останется ничего интересного. Полное разочарование, но ты стискивал зубы и, не подавая виду, ложился с ней в постель. Но невозможно же каждый вечер ложиться в постель с разочарованием, не такой ты дурак, так что ты на ней не женился. В итоге Симон положил конец и этому роману.

– Откуда ты знаешь? – спросил артиллерист. – Ты что, ее был с ней знаком?

– А я, если хотите, могу рассказать еще кое-что, – сказал Альберехт. – После этой женщины вы наконец-то нашли еще одну, во всех отношениях идеальную. И она долго-долго перед вами не раздевалась, но в душе вы считали, что все в порядке, потому что совершенно не хотели жениться на женщине, которая легко ложится в постель. И что же случилось, когда она наконец разделась?

– Замолчите, – воскликнул артиллерист, – прошу вас, больше ни слова!

Альберехт решил, что на прощанье достаточно молча улыбнуться.

Черт побери, ну как же так, говорил он про себя, поднимаясь по лестнице к выходу. Наконец-то она разделась, и тут вдруг спрашивает:

– С тобой что-то не так?

– А я вообще такой.

– С каких пор?

– Никогда другим и не был. Как любовник совсем не пылок.

– Что ты, Schatz, не придумывай, – причем таким тоном, словно хотела сказать: этого-то я и боялась, поэтому и тянула время. Я долго усложняла наши отношения, чтобы не усложнить их вконец более легким поведением.

Но черт сказал:

– Думаешь, она не махнула бы рукой на своих родственников и товарищей по партии, если бы правда тебя любила?

– Чудовище! – воскликнул я. – Презренный донжуанишко! Всю ее доброту, ее ум, ее интерес к тебе ты свел своей похотливостью к нулю! Думаешь, она не смогла бы забыть ради тебя товарищей по партии и даже родственников, если бы ты любил ее по-настоящему?

Альберехт поднялся до верха лестницы и теперь шел по ковру в вестибюле. Я об этом не просил, сказал его внутренний голос, когда он вышел на свежий воздух. Я такой, и никакой другой. Возможно, могу еще измениться.

И он пошел непривычно быстрым шагом к машине, сел и зажег лампочку над головой. Другой рукой достал из внутреннего кармана бумажник.

Альберехт вынул из бумажника все деньги, которые нашел, и пересчитал дважды.

Там было две купюры по десять гульденов. Хотя он засу-

нул пальцы как можно дальше, больше денег в бумажнике не нашлось.

Слишком мало. А сколько у него в банке? Одному Богу известно. И когда их можно будет снять? Завтра с самого утра. Может быть, будет уже слишком поздно. Он взглянул на часы. Без одной минуты одиннадцать. Он включил радио, и то, к его удивлению, сразу заговорило. Обычно оно долго не включалось. А сейчас с первого прикосновения. Новости. Альберехт внимательно слушал. Ни слова о пропавшей девочке. Разумеется. Ведь прошло слишком мало времени.

Что говорит начальник дежурной части, когда к нему поступает сообщение о таком исчезновении? «Давайте еще немного подождем. Все будет хорошо. Девочка заигралась у какой-нибудь подружки».

Альберехт выключил радио, но продолжал сидеть с включенным светом, погружившись в мысли. Локти на руле, руки под подбородком.

Я что, могу идти, куда хочу?

То же самое думает маленькая рыбка, попавшаяся в большую сеть: что может плыть, куда хочет. Но вокруг меня-то никакой сети нет, думал Альберехт. Пока что нет. Но ее могут в любой момент поставить, и я единственный, кто об этом знает.

Он видел, как мимо его машины идут люди, переходящие улицу. Как будто он сидит в караульном помещении, в ма-

леньком каземате. Но на него никто не обращал внимания.

– В Бога душу мать, – сказал он про себя, – еще ничего не произошло, но надо что-то предпринять, пока не поздно.

– Да ладно тебе, – сказал черт, – кто его знает, послезавтра здесь запросто будут немцы, ну через неделю. И что, когда Голландия будет растоптана Германией и сожжена, кому будет дело до задавленного на дороге ребенка?

– Так нельзя, – нашептал я ему, – так нельзя! Чем ждать, чтобы твоя страна стала заграницей, лучше взять и уехать за границу на самом деле... Чтобы хотя бы в будущем искупить содеянное... Если ты все еще не готов явиться в полицию с повинной.

«Явиться с повинной? Но со мной все в порядке. Я выпил всего полкружки пива. Я неуязвим».

– Отправляйся за границу, – сказал черт, – а то не увидишься с Сиси еще много лет, если останешься здесь, то не увидишь ее вообще никогда.

Пожалуй, самое ужасное, с чем мы боремся уже много эонов, – то, что черт нередко пускает в ход те же назидания, что и мы, а люди, бедняжки, не замечают этих чертовских нюансов. Они не понимают, кого слушают – черта или ангела-хранителя, потому что слышат от них одни и те же советы. И только доведенные до роковых деяний, они понимают, что слушали не Бога, а черта. Я был вынужден бессильно молчать. Потому что как я смог бы наставить его на путь истинный, если бы отобрал у него последнюю надежду на встречу

с Сиси?

Так что он погасил свет в машине, завел мотор и уехал.

МАТЬ Альберехта жила на широкой улице, которая называлась Бастионной.

Этот район начали застраивать в то время, когда было принято решение об уничтожении городских укреплений. Засыпанные землей рвы превратились в длинные, вытянутые парки. А на тех местах, где раньше стояли стены с бастионами, были построены особняки для богатых буржуа.

Дом, в котором до сих пор жила мать Альберехта, купили еще его бабушка с дедушкой.

В половине двенадцатого Альберехт остановился перед этим домом, позади автомобиля Эрика – красного «дюзенберга», который весь сверкал в свете фонаря. На другой стороне улицы он увидел старенький «форд» Ренсе.

Альберехт вышел из машины и посмотрел на дом матери.

В комнатах первого этажа горел яркий свет. Ничего другого он, впрочем, и не ожидал. Альберехт глубоко вздохнул, достал из жилетного кармана серебряную коробочку с мятными конфетками, встряхнул ее: ничего не брякнуло. Пусто. Не открывая крышку, положил коробочку обратно в карман.

Прежде чем запереть машину, Альберехт прищурил глаза и осмотрелся. Наискось от дома его матери газон был перерыт, потому что там построили бомбоубежище.

Странное это было бомбоубежище, оно располагалось совсем не под землей и напоминало длинный сарай с наклонными стенами, покрытыми песком и дерном. На двери висела табличка с надписью БОМБОУБЕЖИЩЕ.

Альберехт медленно двинулся к входу в дом, оглядываясь на Эриков «дюзенберг» – машину редкую, ужасно дорогую, невероятно быструю и эффектную.

Для Эрика то, что надо, думал Альберехт каждый раз, когда ее видел. Это был двухместный автомобиль с откидной белой крышей. Задняя часть была похожа на перевернутую лодку. Там находилось третье сиденье, закрывавшееся круглым люком, напоминавшим крышку на очке в деревенском туалете. Американцы не умеют делать красивых вещей. Дорого, но не благородно – так думала даже Мими, которая вообще-то мирилась почти со всеми выходками Эрика. Утешение. Обычно. Но не сейчас. Сейчас, стоя возле символа могущества Эрика, Альберехту было еще труднее позвонить в дверь. Они не афишировали планы Сиси уехать. Она – из-за страха перед властями, он – в надежде, что этого все же не произойдет. Как много всего придется объяснять маминим гостям. Из всех, кого он сейчас увидит, только Эрик и Мими были немножко в курсе дела. С таким ощущением, как будто он пришел сообщить о своем банкротстве, Альберехт нажал на звонок.

Мама сама открыла ему дверь.

– Берт! А я-то думаю, почему это тебя не видно в антрак-

те? Где ты был? Заходи. Ты без Сиси?

– Она неважно себя чувствует.

Он стоял в просторном мраморном холле и помимо служанки-немки, подошедшей, чтобы принять его плащ, видел еще двоих гостей.

По звукам, долетавшим через открытую дверь гостиной, было ясно, где находятся другие гости.

– Берт! Мы пришли в надежде с тобой поговорить. Хорошо, что ты подрос. Ну, как дела? Здравствуй, дорогой Берт!

Оба были в вечерних нарядах, Эрик во фраке.

Мими Лосекат поцеловала Альберехта в щеку. Эрик крепко пожал ему руку. Он был директором большого издательства, где бурные приветствия входили в обязанности.

– Как поживает Сиси? – спросила мама.

– Она неважно себя чувствует, и я...

– Пошли, малыш, пошли в гостиную.

– Мама, можно поговорить с тобой наедине?

– Это же не очень срочно?

– Мне тоже нужно поговорить с тобой наедине, Берт, – сказал Эрик Лосекат.

– Со всех сторон секреты! – воскликнула Мими.

Альберехт последовал за ними в гостиную.

– Мама имела невероятный успех, – сказала Мими. – Ты как раз вовремя. Мы сами только что приехали после концерта.

– Просто потрясающе – сказал Эрик. – Ее четыре раза вызывали на бис. Ты согласен, что она превзошла саму себя?

– Я не попал на концерт, – глухо ответил Альберехт. – Ты же видишь, как я одет.

– Был занят?

– И это тоже.

– До чего же ты бледный!

– Скажи, а дело журналиста, оскорбившего Гитлера, уже рассматривалось?

– Да, сегодня.

– И какого же наказания ты для него в итоге потребовал?

– Освобождения от судебного преследования.

– То есть оправдания?

– Это не совсем одно и то же...

Отвечая на вопросы Эрика, Альберехт понемножку отодвигался от него, как бы уходя от разговора, и в конце концов сбежал в гостиную. Можно ли назвать это бегством? Это был не более чем жест, который никак не мог помешать продолжению разговора о журналисте, оскорбившем Гитлера. Потому что в гостиной стоял его брат Ренсе, политически ангажированный художник. Альберехт пожал ему руку.

Эта рука была спасательным кругом, который, впрочем, не мог ничего спасти. Сам Ренсе, тоже во фраке, стоял, облокотившись о черный рояль.

– Привет, Берг. У тебя, надеюсь, особых неприятностей нет?

Альберехту с огромным трудом удалось выдать из себя несколько слов:

– Привет, Ренсе, как жизнь?

– Удовольствие ниже среднего, но пока бегаем, – ответил Ренсе.

Он был на два года младше Альберехта и зарабатывал на хлеб уроками рисования. Если другие люди, отпуская шутку, смеются во весь рот или делают вид, что смеются, то Ренсе лишь криво улыбался, не разжимая губ.

– Ты скверно выглядишь, – сказал он, – прямо совсем скверно. Что-то случилось?

Белая рубашка у Ренсе была грязноватая спереди, надета явно не первый раз после стирки, подумал Альберехт. Ренсе, художник, чьи картины никто не покупал, вынужден был преподавать рисование в средней школе. Но все же оставался человеком искусства, что было заметно по его густой эспаньолке: такие бороды носят только художники.

Альберехт попытался улыбнуться и ничего не ответил.

На Ренсе не было традиционной бабочки, которую в те годы полагалось носить с фраком, вместо нее на шее повязан широкий шелковый бант. «Я люблю тебя, – думал Альберехт, – я люблю тебя, мой неудачливый брат, с твоей бородой, с твоим артистическим бантом. Борода и бант показывают, по каким нормам тебя надо оценивать, каким правилам ты следуешь, точно так же слепого узнают по белой трости».

– *Ars longa, vita brevis*, – сказал Альберехт, выпустил руку Ренсе и отступил в сторону.¹⁴

Он оказался рядом с Паулой, женой Ренсе. Вечернее платье из черного бархата на ее тощей фигуре выглядело так, будто оно в мокрых пятнах. Большие, в темной роговой оправе очки сидели на носу всегда криво. Паула время от времени делала маленькие гравюры, чуть больше почтовых марок, с изображением цветочков, комаров-долгоножек и паучков.

– Здравствуй, Паула.

– Дай-ка я поставлю бокал, ты всегда такой пылкий!

Он поцеловал ее в щеку и подумал: даже простое проявление вежливости она понимает превратно. Он невольно спросил себя, кому из присутствующих смог бы, если потребуются, рассказать о том, что сегодня произошло. Мысли Паулы не составляли для него секрета. Досада, что она замужем за Ренсе, а не за ним. Негодование, что он, Альберехт, не женится и поэтому не лишает ее надежды. А то бы она смирилась раз и навсегда с тем фактом, что ее муж – художник-неудачник, а не представитель власти. Ее малюсенькие гравюры с изображением ракушек, жучков, комариков и мха за пределами семьи остались незамеченными. Над чем ты сейчас работаешь, Паула? Да ни над чем... у меня так село зрение...

– Сиси с тобой не приехала?

---

¹⁴ «Жизнь коротка, искусство вечно» (латинское изречение).

– Нет, не смогла. Я и сам едва сюда добрался. Да, потому же. Потом объясню.

Если рассказать Пауле, что Сиси от него ушла, она снова начнет надеяться. Хотя Альберехту картины Ренсе совершенно не нравились, в разговорах с Паулой он их всегда расхваливал. («В будущем, когда я выйду на пенсию, а Ренсе будет знаменит на весь мир...»)

Стандартный семейный юмор, под которым прятались ядрышки ненависти и презрения. Паула хотела бы меня заполучить, но меня она не любила бы точно так же, как и Ренсе.

– С удовольствием бы слегка перекусил, – сказал Альберехт.

– Тогда идем со мной.

Его взяла за руку Мими и потащила к столу, на котором стояли всякие вкусности, высокая стопка тарелок, рюмки и целая батарея бутылок.

– Я сегодня вообще не ел.

– Сиси что, уехала?

– Да, сегодня днем проводил.

Мими взяла в левую руку тарелку, а правой потянулась к вилке, лежавшей на салате из лосося.

– Думаю, из всех, кто сейчас здесь, только мы с Эриком знали, что Сиси уедет. Но ты не должен скрывать это от матери.

– Не должен. Но если сейчас все начнут обсуждать эту новость, я просто не выдержу.

Я не знал, что ему посоветовать. Попросить у Мими денег, чтобы уехать в Англию? Но почему именно у нее? Потому что она готова была помочь? Но он же не бедствующий. Он мог бы попросить денег в долг у любого человека в этой гостиной, и все были бы готовы одолжить ему без малейшего сомнения. Ими бы, правда, овладело любопытство, они спросили бы, зачем ему деньги сейчас, среди ночи, без четверти двенадцать. А Мими не стала бы спрашивать. Единственная опасность в случае с Мими та, что он сам ей все расскажет.

– От тебя пахнет пивом. Ты много выпил?

– Меньше полкружки. Ты чувствуешь запах, потому что я еще ничего не ел.

– Бедняжка Берти. Ты так переживаешь?

Мими дала ему тарелку с салатом. Альберехт положил салат в рот без всякого аппетита, несмотря на голод, стал жевать, а сам думал: надо быть осторожным, а то стошнит.

С салатом во рту он не мог разговаривать, а мог только смотреть на Мими. Хотя он знал эту женщину уже двадцать лет, он никогда еще не смотрел на нее с таким сожалением. Фигура у нее была довольно-таки мускулистая, с прямой спиной и широкими бедрами, но слишком плоская спереди. Ужасно плоская. Но не менее плоская, чем у Венеры Милосской, сколько раз он себе это говорил, пока был с ней обручен и не решался разорвать отношения. У нее были свет-

ло-карие глаза и темно-каштановые волосы, из которых он в последние годы при каждой встрече выдергивал по серебряной ниточке.

Взять и сказать ей: произошла еще одна вещь, гораздо хуже... Но какой смысл об этом заговаривать?

Мими сказала:

– Очень тебе сочувствую, честное слово! Сиси была умной женщиной. В другое время ты мог бы с ней быть очень счастливым... наконец-то. Правда?

Чтобы не отвечать, он сунул в рот еще салата.

– Такому мужчине, как ты, нужна умная женщина. Молодая овечка без жизненного опыта тебе бы со временем набилась оскомину. Сиси во всех отношениях идеально подходила. Представляю себе, как ты сейчас несчастлив.

Он проглотил салат и сказал с таким чувством, будто стоит перед ней на коленях:

– Пожалуйста, не надо об этом говорить.

– Прости. Я думала, тебе будет легче, если ты с кем-то поделишься, даже если я в ответ несу чушь. Ведь ты так одинок здесь, где никто понятия не имеет, что с тобой произошло.

– А ты имеешь об этом понятие?

– Еще раз: прости. Я, наверное, тоже не в силах все понять. О господи, прости, пожалуйста, что суюсь.

Она обошла вокруг стола и открыла бутылочку томатного сока, которым наполнила для него зеленый рейнский бокал. На столе стояли три ведерка со льдом, в которых охлажда-

лось рейнское вино. Все пьют вино. А для меня, трудного дитяти, наливают томатный сок. Здесь шесть бутылок сока. Ни одна до сих пор не открыта.

В зеленом бокале томатный сок выглядел коричневым, как мазь для обуви.

– Должна тебе признаться, – сказала Мими, – что Эрик немного догадывался, почему тебя не было на мамином концерте.

– Ты, что ли, с кем-то говорила о планах Сиси?

– С какой стати?

– И что же сказал Эрик?

– Почти ничего. Не думаю, что он пытался ее отговорить.

Книгу в любом случае издадут, независимо от того, будет ли Сиси здесь или в Америке.

– Во всяком случае, рукопись она упаковала, – сказал Альберехт, – я сам видел.

– Вот именно. И вообще Эрик счел бы некрасивым говорить с ней об этой книге в духе «я помог тебе уехать из Германии и ты теперь моя крепостная, пока книга не выйдет в свет».

Мими налила себе вина.

– Возможно, книга станет еще интереснее, если она опишет в ней свою жизнь в Америке, – сказал Альберехт словно по заученному тексту.

Мими ничего не ответила.

– Эрик, – сказала она, выпив два глотка вина, – Эрик не

тешил себя иллюзией, что сможет ее переубедить ради тебя. В любом случае тебе она обязана больше, чем ему. Если бы не ты, Эрик не знал бы, что с ней делать, после того как перевез ее тайком через немецкую границу. Не хочу вмешиваться в ваши отношения с Сиси, но я все-таки никак не понимаю, зачем ей так понадобилось от тебя уезжать.

– Она боялась немцев. Уверяла меня, что в Америке сможет сделать для своих родственников и товарищей по партии намного больше.

– Мы все боимся, что немцы нас захватят. Но что она сможет сделать для своих родственников и товарищей по партии в Америке? Для меня это загадка. Что она сможет там сделать для родственников? И для коммунистов, от которых американцы тоже отнюдь не в восторге.

– В Америке коммунистов не сажают в концлагеря, и там много богатых коммунистов. Сиси хочет рассказать, как в Германии обходятся с евреями. Она хочет добиться того, чтобы Америка не держалась в стороне от этой войны.

– Она что, хорошо говорит по-английски?

– Не слишком. Но голландский выучила быстро.

– И что ты теперь собираешься делать, Берт?

– Пока не знаю. Но мне в любом случае нужны деньги.

– Зачем?

Он набрал воздуха в легкие, открыл рот, но не издал ни звука. В голове у него с бешеной скоростью проносились мысли. Если сказать: я хочу сегодня же поехать следом за

Сиси, это будет звучать глупо после всего, что сказала Мими... Эту мысль он отбросил, как японскую раковину, которая где-то внутри него открылась и выдала всю правду: что Сиси уехала в первую очередь потому, что не любила его, и что он повел бы себя как полный идиот, если бы сломя голову попытался...

Но я *должен* попытаться, *должен*, *должен*! – кричал он мне. Я не знал, что ответить.

– Мими, – сказал Альберехт, – мне сегодня же нужны деньги, – он произнес эти слова как заклинание. – Сегодня же, немедленно. Утром я смогу снять деньги в банке, но будет уже поздно.

– Сколько тебе надо? – спросила Мими.

– Пятьсот гульденов.

– Нешуточная сумма. Подожди минутку.

Мими поставила бокал на стол и пошла к Эрику, беседовавшему с братом Альберехта Ренсе и его женой Паулой, сидевшей на широком диване. Альберехт смотрел на Мими, направлявшуюся к дивану, и недоумевал, куда подевалась мать, которой нигде не было видно.

Где же мать? Вышла из гостиной. Но почему? Он съел еще немного салата со своей тарелки, увидел, что мать не возвращается, поставил тарелку и вышел из комнаты. В этот момент зазвонил дверной звонок.

В коридоре Альберехт столкнулся со служанкой.

– Госпожа на кухне?

– Mefrau ist oben im Stock.¹⁵

И служанка пошла открывать дверь.

По широкой дубовой лестнице с толстой ковровой дорожкой персидского узора Альберехт поднялся наверх.

Дверь в мамину спальню была приоткрыта, и там горел свет, как будто мать хотела, чтобы ему было нетрудно ее найти. Благодаря предчувствию, разбуженному воспоминаниями об аналогичных случаях, он не удивился, увидев ее в полном одиночестве, на канаве, обитом желтым атласом, с рюмкой в руке.

Она сидела на этом предмете мебели, рюмка в правой руке, правая нога на полу, левая вытянута на атласе. Когда Альберехт вошел, она не пошевелилась.

Эта комната была не просто спальней. Кровать, хоть и очень изящная, играла подчиненную роль среди прочей обстановки. Здесь тоже стоял рояль, но поменьше, чем в гостиной. В углу – изысканный мебельный гарнитур, обитый атласом, частью которого и было мамино канапе, равно как и секретер орехового дерева, под старину, и вся остальная мебель. Хрустальная люстра со множеством электрических лампочек в виде свечек освещала комнату благородным неярким светом.

– Что с тобой, мама?

– Я очень беспокоюсь за тебя. Весь концерт испорчен. Во

---

¹⁵ Госпожа на верхнем этаже (нем.).

время выступления я мысленно была с тобой, потому так хорошо и пела. Я как бы думала: пусть Берта все еще нет, но он обязательно придет, ведь я так хорошо пою. Даже после антракта я все еще надеялась, что вы придете. Что случилось с Сиси? Не говори мне, что она приболела. Ты же не будешь меня обманывать?

Она сделала глоток и посмотрела на него таким пристальным взглядом, каким только могла. Альберехт увидел, что она пьет виски, и на миг чуть не потерял сознание от зависти.

– Сиси уехала.

– Так я и думала. И уже не вернется?

– Обещала приехать обратно, когда кончится война.

– На ее месте я бы тоже это пообещала. Бедный мальчик, не знаю, что тебе наобещали и с чего ты развесил уши. Но если бы ты был таким же стойким, как я, я бы сказала: налей себе рюмку и забудь эту женщину. Мне тебя так жалко. Но не оттого, что от тебя уходят женщины, за это мужчин нельзя жалеть, а оттого, что ты не знаешь меры, когда пьешь.

– Сегодня я не выпил ни капли, хотя у меня был более чем серьезный повод.

– Когда ты вошел, я учуяла нечто другое.

– Ладно тебе, полкружки пива на голодный желудок. Мама, не можешь ли ты одолжить мне пятьсот гульденов?

– Если у меня есть.

– Всего на один день. Я завтра же верну, положу на твой счет.

– Не надо. Это не горит.

– Да нет, правда.

– Если бы это была правда, ты не стал бы меня просить.

Зачем тебе среди ночи пятьсот гульденов? А если ты завтра можешь вернуть их на мой счет, то ты с тем же успехом можешь снять в своем банке для меня. Разве не так, солнышко?

– Ты рассуждаешь совершенно логично, но деньги нужны мне сейчас, завтра уже будут ни к чему.

– Если не секрет, зачем они тебе?

– В четыре часа ночи один мой знакомый отплывает на яхте из Эймейдена в Англию. Я могу к нему присоединиться. Корабль Сиси заходит в порт Ньюкасл. Если я доберусь до Англии на этой яхте, то смогу с ней увидеться.

– А не проще ли утром полететь в Лондон на самолете?

– Самолеты в Лондон не летают в связи с международной обстановкой. А на этой яхте я попаду прямо в Ньюкасл. Мы поплывем как бы за ней следом. Все наверняка получится. И задешево. На самом деле бесплатно. Деньги нужны мне на всякий пожарный.

– Посмотри мне в глаза, – сказала мать Альберхта, – и ты думаешь, что я поверила в эту неправдоподобную байку?

– А что ты тогда считаешь правдоподобным?

– Пока не знаю. Надо поразмыслить.

Он не ответил, словно давая ей время поразмыслить. Так они оба и сидели молча довольно долго.

Он почувствовал себя совершенно пришибленным, когда

осознал, что все это – своего знакомого с яхтой, отплытие из Эймейдена – выдумал прямо на ходу. А что будет, размышлял он (но эту мысль внушил ему я), если рассказать матери настоящую причину, по которой он так спешит уехать из страны? Хорошо, мама, расскажу тебе все начистоту. Если бы дело было только в Сиси, я бы так не торопился. Но случилось нечто еще более ужасное, мама. Нет, я не выпил ни грамма. Я просто очень спешил, и поэтому срезал путь, свернул по Марельскому проезду. Мысленно я был неизвестно где. Эта дорожка такая извилистая. Я вообще не видел, что на дорожку выбежала девочка. Я просто не понимал, что задавил ее насмерть. Хотел зачеркнуть происшедшее, вот и положил ее в кусты и поехал дальше. Это ужасно? Если бы я оставил тело лежать на дороге и заявил в полицию, это было бы не менее ужасно. Я не мог пойти в полицию и до сих не могу, не знаю почему. Лучше пустить пулю в лоб, но и этого я не могу, потому что пистолет заклинило.

– Мама, дай мне, пожалуйста, денег!

– Ах, Пузик, дело не в деньгах. Мне надо понять, что для тебя будет хорошо. Посмотри в секретере, есть ли там сколько-нибудь.

Он встал и на негнущихся ногах подошел к секретеру. Повернул позолоченный ключик, торчавший в скважине, и откинул крышку.

– В каком они могут быть ящике?

– Справа сверху.

Альберехт выдвинул ящичек и увидел, что он до половины заполнен фотографиями. Не вынимая фотографий, Альберехт поискал, не лежат ли между ними деньги, но не увидел ничего похожего. Зато заметил, что на всех фотографиях был он сам: карапуз, школьник, студент. В матроске, в купальном костюмчике (половинку фотографии, на которой когда-то был отец, мама отрезала), в лодке с другими гребцами (все студенты).

Это и называется материнская любовь, сказал черт, она прекрасно знает, что в ящичке нет денег, но велела тебе поискать в нем, чтобы ты понял, как заботливо она собирает твои фотографии. Мать, которой фотографии сына дороже, чем деньги, такую мать ведь нельзя оставить одну?

– Денег здесь нет, – сказал Альберехт и задвинул ящик. – В другом месте их не может быть?

– Мне очень жаль, Пузик, но если тут нет, значит, нет нигде.

– Ты спросил это только для порядка, – сказал я ему. – Если мама говорит, что денег у нее нет, то это правда, ты сам знаешь. Если бы были, она бы тебе дала.

Он меня услышал, задвинул ящичек и закрыл секретер, более не наставая.

Мама уже допила свою рюмку.

– Ладно, – сказала она, – в любом случае хорошо, что мы с тобой поговорили наедине. Идем вниз. The show must go on.¹⁶

С идеально прямой спиной и трезвая, как стеклышко, она вышла из комнаты.

Спускаясь по лестнице вниз, они увидели, что пришли новые гости.

Глядя сверху, Альберехт подумал, что они похожи на ощипанные тушки птиц, уложенные рядком на прилавке мясника. Он был не в силах вспомнить их имена, а некоторых, пожалуй, никогда раньше и не видел.

Отдельные гости стояли в холле первого этажа, но и те, кто находился в гостиной, тоже могли видеть, как Альберехт с матерью спускаются по лестнице, потому что дверь была распахнута. Все взоры были устремлены на них, из уст гостей разом вырвался восхищенный возглас, чуть ироничный: мамино появление действительно напоминало выход дивы, но присутствующие были слишком близко с ней знакомы, чтобы устраивать настоящую овацию. Она спускается по той же лестнице, на которой в детстве училась ходить по ступенькам, подумал Альберехт. К ней долго не шел успех в зарубежных концертных залах, а когда ее наконец оценили, она была уже слишком стара, чтобы стать предметом разговоров в лондонском, парижском или венском свете.

---

¹⁶ Шоу должно продолжаться (англ.).

И он сам тоже, он тоже учился ходить по ступенькам на этой лестнице. Чему он только не научился в этом доме! Но тому, что оградило бы его от несчастного случая, который, возможно, окажется роковым, он не научился.

Не научился слушать мой голос... Не научился полагаться на волю Божию...

– Да, – сказал мне черт, – а где был твой голос, когда Альберехт ехал по той дорожке? И что ты ему тогда говорил, а он не прислушался? Почему-то в тот момент я от тебя ничего не слышал, ведь ты, видишь ли, сам погрузился в размышления.

Я принципиально не вступаю в спор с чертом, поэтому просто закрыл лицо крылом.

Альберехт рассеянно слушал все эти голоса, раскланивался с новыми знакомыми, пожимал руки, смотрел в глаза, но даже не пытался что-либо запомнить. Кое с кем обменялся парой слов. Из всего этого гула голосов родилось три поддержанных всеми мысли: во-первых, что сегодняшний концерт был самым блистательным в карьере матери. Во-вторых, что она должна спеть для гостей. Для чего еще они здесь собрались! В-третьих, что нельзя ложиться спать, пока не выйдут утренние газеты. Они все вместе прочитают рецензии на выступление Тильды Альберехт-Грейзе, которые наверняка будут поистине триумфальными, лучшими в ее карьере.

Она пела, и Андрис Кереввер аккомпанировал ей на рояле. Альберехт сидел между своей невесткой Паулой и другом молодости Эриком Лосекатом. Хотя все мало-мальски пригодные стулья со всего дома принесли в гостиную, многим женщинам пришлось сидеть на полу. Нескольким мужчинам повезло еще меньше: они стояли, прислонясь к стенам.

Когда закончилась первая песня, Эрик сказал:

– Мими рассказала мне о твоём затруднительном положении. Все в порядке. При себе у меня нет столько денег, но я возьму дома и дам тебе. Договорились? Прямо сейчас я, разумеется, не могу. А то твоя мама примет на свой счет, если я уйду во время ее пения.

– Черт побери, Эрик, спасибо большое.

– Ладно тебе. Но я хотел поговорить с тобой о другом.

После обещания Эрика дать денег мысли Альберехта закрутились вихрем. Что он сделает? Ведь у него не было друга с яхтой, ожидавшей его в Эймейдене. Он знал, о чем хочет поговорить с ним Эрик: о том, что добраться в Англию сейчас нелегко. Что же ему ответить? Он посмотрел на Мими, сидевшую на полу впереди него, наклонился, прикоснулся к ее плечу, встал и уступил ей стул.

– Не надо, не надо!

– Давай-давай, садись!

Альберехт попытался приподнять Мими, но она улыбнулась, замотала головой и приложила палец к губам:

– Тссс!

Он все равно опустился около нее на пол.

– Pardon!

Едва знакомого ему мужчину, сидевшего рядом с Мими, пришлось потеснить.

Мать запела следующий номер, но вот и он кончился. Теперь и Эрик поднялся со стула и наклонился к Мими:

– Я должен кое-что рассказать Берту, давай поменяемся местами!

Мими пересела на его стул.

– В котором часу отошел корабль Сиси?

– Часов в семь.

– Ты видел, как она отплывает?

– Я отвез ее на корабль часа в три. В четыре у меня было заседание.

– Да, конечно. Значит, все это время, пока корабль стоял с грузом в Хук-ван-Холланд, она была одна. Тоже не весело.

– Иначе было никак. Если бы я ее отвез после заседания, мы могли опоздать.

– За это время могло произойти что угодно, а ты и не знаешь.

– Что ты хочешь сказать?

– Ничего, ерунда. Слушай. Теперь о серьезном. У одного моего знакомого живет девочка, то ли приемная дочка, то ли просто так у него живет. И вот сегодня около полчетвертого она пошла отправлять письмо и не вернулась. Без четверти

восемь ее еще не было, и десять минут назад тоже.

Альберехт ничего не ответил. Сидел, обхватив руками голени. Потом наконец заставил себя взглянуть на Эрика и сказал скрипучим голосом:

– Может быть, она где-нибудь заигралась.

– В душе я надеялся, что ты скажешь: девочка поплыла в Америку вместе с Сиси.

Скажи ему, что так и есть, прошептал ему на ухо черт. Как же ты раньше не придумал! Это же так логично! Уплыла вместе с Сиси в Америку!

Но я зажал Альберехту уши, и он спросил:

– Как так – в Америку вместе с Сиси?

На них со всех сторон зашикали, двое знакомых обернулись к Альберехту с Эриком и прижали палец к губам: тсссс...

– Потом расскажу дальше, – сказал Эрик.

Пианист заиграл, и мать Альберехта запела вторую песню Шуберта.

Он смотрел на нее, и ему казалось, что это какие-то жестокие бандиты заставляют ее петь. Связали, поставили ногами на горячую плиту и грозят поджарить ей ноги, если она откажется петь или будет петь недостаточно красиво. Иначе она бы так не мучила его, не оттягивала бы своим пением тот момент, когда он получит деньги. «Мне надо спастись бегством, мама, меня уже наполовину разоблачили».

План черта: сказать Эрику, мол, да, правда, Сиси взяла

девочку с собой. Если хочешь знать правду, могу рассказать, что поэтому я и хочу догнать Сиси, у нее недостаточно денег. Девочку привели на корабль в последний момент.

Что же это за девочка, если Эрик вообразил, будто Сиси взяла ее с собой в Америку? Кто она такая? Да, кто?

Он понимал, что происшедшее с ним почти неправдоподобно. Он задавил девочку, какую-то случайную девочку на грунтовой дорожке. Но это не случайная девочка. Его лучший друг Эрик знает о ней. Эрик, его лучший друг, догадывается, что с ней случилось.

Между тем его мать продолжала петь. Вон она стоит на цыпочках. И страдает. Страдания вырываются волнами из ее легких, ударяются о ноты, которые она держит в руках, и затем распространяются по всей гостиной. Ее торс поворачивался то вправо, то влево, то снова вправо. Казалось, она прислуживает всем присутствующим и умрет от горя, если кого-то пропустит. «Прекрати!» – хотел он ей крикнуть.

– Она без очков, так что не видит ни одной ноты, – сказал черт.

Пение закончилось. Аплодисменты. Альберехт бросил украдкой взгляд на Эрика, но Эрик слушал кого-то, кто сидел у него за спиной, и не собирался продолжать разговор с Альберехтом. И тогда Тильда Альберехт-Грейзе снова начала петь.

Аплодисменты. Мама поклонилась трижды, как на настоящем концерте, и компанейски помахала слушающим нота-

ми, ведь пела для друзей и близких. Да нет же, Эрик рассказывает ему совсем о другой девочке.

– А где она жила? – спросил Альберехт.

– На Марельском проезде. Шестилетняя еврейская девочка. Ее контрабандой вывезли из Чехословакии. Потом расскажу подробнее.

Еврейская девочка? Значит, он задавил и бросил в кусты *еврейскую* девочку?

Еще одна песня. На этот раз веселая, о весне (Frühlung), но исполненная совершенно не весело, как это часто бывает у оперных певиц. Наверное, она пела точно так же, когда была им беременна. «Лучше бы не пела и не была бы мной беременна». Еврейскую девочку!

Аплодисменты, еще более продолжительные, чем до этого, а когда они стихли, Тильда Альберехт-Грейзе воскликнула на всю гостиную:

– А теперь мне надо наконец-то выпить!

Она прошла к столу, где стояли салаты, рейнское вино и томатный сок. Эрик толкнул Альберехта в бок.

Я знал, что он собирается рассказать. В том загородном доме у Марельского проезда жила пожилая супружеская пара – евреи, бежавшие из Германии. Муж был ученым и иногда помогал Эрику консультациями в его издательской деятельности. Родители девочки сидели в концлагере в Германии. Она приехала в Голландию примерно полгода назад,

Эрик помог ей перебраться через границу и тайком поселил у этих стариков.

– Сиси наверняка знала. Она ничего не рассказывала?

– Нет, ничего не рассказывала.

– Я сказал этим людям, чтобы они не думали сразу же, что произошла трагедия. Девочка могла пойти куда-нибудь вместе с подружками или что-то в таком роде.

– В девяти случаях из десяти именно так и бывает.

– Вот именно, – сказал Эрик, – на самом деле надо бы им позвонить, но у них нет телефона. Может быть, девочка уже давно вернулась домой. Я рассказываю это тебе в основном для того, чтобы прощупать почву, не придумаешь ли ты, как можно узаконить положение этого ребенка. Что-нибудь вроде того, что ты придумал в свое время для Сиси. Может такое получиться?

– Конечно, – сказал за него черт, и он повторил:

– Что-нибудь можно придумать.

– Старикам и так-то нелегко ухаживать за маленькой девочкой, а тут еще сложности из-за ее нелегального положения. Ты должен был видеть этого человека, он полчаса назад заходил со мной поговорить. Он теряется в догадках: думает, что ее могли выкрасть нацисты, чтобы шантажировать ее родителей. Родители сидят в концлагере, но у них вроде как есть вклады в иностранных банках, которые они не хотят отдавать гестапо. Сам понимаешь, мрачных предположений хоть отбавляй. Как ты думаешь, у нас в Голландии может

действовать Пятая колонна?

– Конечно, ты считаешь, что может, – сказал черт, – вот эта Пятая колонна и выкрала девочку.

Но я предупредил Альберехта, чтобы он не проецировал свою ложь на других, он меня послушался и сказал:

– Пятая колонна? Мне неизвестно ни одного убедительного доказательства того, что в нашей стране это явление наличествует в значительных масштабах.

– Не знаю, – сказал Эрик. – На меня предположение старика произвело впечатление чего-то правдоподобного, хотя нелепо было бы искать в этом направлении, когда после исчезновения девочки прошло от силы два часа. Было бы лучше всего, если бы она просто вернулась домой.

– Вернулась домой, – повторил Альберехт.

– Тебя эта история не интересует? Но смотри, представим себе, что через два дня девочка все еще не найдется. Старик тоже об этом говорил. Куда заявлять о ее пропаже? Идти в полицию мне кажется делом сомнительным, ведь она жила в Голландии нелегально. Если полиция найдет ее, легче от этого не станет. Что они с ней сделают, пошлют обратно в Германию?

– Нет. Нет, не думаю.

– Но такие вещи происходят, это я знаю точно. Если на белом свете есть такое правительство, которое кровь из носу хочет сохранять хорошие отношения с Гитлером, то это наше правительство. Так ведь?

– Я с тобой категорически не согласен. Как еще вести себя такой маленькой стране, как наша? От Северного моря до немецкой границы всего три часа езды. Мы и охнуть не успеем, если немцы на нас нападут. Знаешь, сколько у нас военных самолетов, готовых к вылету? Меньше двадцати.

– Вот что я хотел у тебя спросить: если девочка не найдется, не будет ли благоразумнее действовать через тебя, вместо того чтобы идти в полицию?

– Я бы так и посоветовал. Скажи это старикам.

Эрик замолчал, успокоившись.

Когда же он наконец встанет, думал Альберехт, когда же он наконец встанет, чтобы сходить за деньгами? Ты представить себе не можешь, Эрик, как ты меня мучаешь тем, что сидишь и сидишь здесь. Сходить домой займет у тебя всего двадцать минут, туда и обратно. Ну принеси же мне эти деньги. Даже если ты пропустишь несколько маминых песен, ничего страшного.

– Ничего страшного? – сказал я. – Задавить насмерть еврейскую девочку и выбросить ее, как мешок мусора, в кусты.

«Эрик, ну встань же и принеси мне деньги», – думал он.

Думать – это слышать свой собственный внутренний голос, размышлял он. Но телепатии между людьми не существует, особенно в решающие моменты нашей жизни, так что Эрик не слышал мольбы, которую обращал к нему Альберехт.

– И еще можно предположить, – сказал Эрик, – что она

ушла от них, оттого что скучала по дому. Если это так, то очень обидно и нехорошо, что нельзя обратиться в полицию. Полиция могла бы остановить ее при пересечении границы. А коль скоро полиция не в курсе дела, девочка может отправиться в Германию, навстречу своему несчастью, и никто об этом не узнает. То же самое в том случае, если имеет под собой основу мысль о похищении.

– А нельзя ли разослать по всей стране описание ее примет, указав какое-нибудь фальшивое имя?

– Нет, это невозможно. Она сама расскажет, что на самом деле ее зовут не так.

Каждое слово, которое Альберехт произносил, чтобы казаться таким же, как всегда, обжигало ему горло, прежде чем слететь с губ, но он продолжал говорить, и боль начала ослабевать, потому что черт говорил ему:

– Ты человек не случайный, сам видишь. Пропал ребенок. И первым человеком, кому об этом сообщают, становишься ты. Ты, единственный, знающий достоверно, что произошло на самом деле. Чего ты еще хочешь? Положись на меня, и останешься хозяином положения.

Но я внушал ему другие мысли: господи, Эрик, ну принеси ты эти деньги. Я не такой человек, чтобы закопать одно несчастье под пирамидой других. Эрик, принеси деньги и исчезни!

Но Эрик все еще сидел, и все присутствующие тоже расселись по местам или хотя бы прекратили разговоры, потому что Андрис Керевер, приподняв фалды фрака, опустился на табуретку у рояля и взял ноту ля. Мать Альберехта уже держала в руках ноты. Кто-то кашлянул, кто-то шикнул, затем настала тишина, и Тильда Альберехт-Грейзе заговорила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.